

СМЕЛЫЙ

★ ЖУРНАЛ РАВНОСТЯМ ★

1924
№
8

С. В. В. В.

ГЛАВНЫЙ ПОВАР НАРКОМНА: Не съест постыжась — пришло, и съест, и молчит. («Рабочая Москва»).

ПОЛИЦЕЙСКИЙ НАЛЕТ НА СОВЕТСКОЕ ТОРГПРЕДСТВО В БЕРЛИНЕ.

Это маж большой отряд полицейских и представителей тайной полиции вторгся в здание торгпредства СССР на Линдентштрассе. Помещения, которые были заняты, сотрудники выгнали на двор, письменные столы и шкафы выломали. При поисках штыков и пистолета провалились в подвал. Руководители торгпредства, принадлежавшие к дипломатическому корпусу СССР, были самым наглым образом лишены свобод. Несмотря на сопротивление торгпредства подверглись физическим оскорблениям, многие арестованы и перевезены в полицейское бюро. Все действия полиции отмечались необыкновенной грубостью.

Несмотря на то, что полард СССР тов. Крестинский немедленно отправился к министру иностранных дел Шкремуну, призывая к немедленному прекращению действий полиции и дипломатическому общению, немедленно прекратить обиды, все же полиция своими действиями не прекратила. Это явное свидетельство того, что полиция действовала в согласии с германскими властями.

Поступок германских властей являлся самым безобразным нарушением международного дипломатического права.

Германскими властями и полицией были придуманы в свое оправдание всевозможные аргументы, которые, однако, при самом поверхностном рассмотрении, похожи на глумление анекдоты. Так, Литванов в своей беседе «об обиде» в берлинском торгпредстве говорит: «Неожиданно и бессмысленное нападение берлинской полиции на торгпредство является не только формой самым грубым нарушением экстерриториальности и оскорблением Советского правительства, но в действительности, являющийся также торгпредство необходимых условий для спокойной работы. Какой бы ни была подлая германская печать, скажи бы наша милиция поволяла себе ни с того, ни с сего, без достоящего основания обидеть контору казенного-будничного германского консьержа, со взломанным столом и просмотром бумаг? А ведь таких случаев у нас еще много».

Обяснение, которое германское министерство иностранных дел пыталось дать действиям полиции, несомненно, может вызвать смех и вряд ли будет принято в серьез. Так все просто и понятно. Германские и полицейские совершают тяжкое преступление через Берлин. Опояхав к поезду и пожелав освежить, он не

могут найти воле вокзал или на ближайших уличных подползающих пивного заведения или ресторана и выпить, отодвигая в распоряжение ареста, который ведет их за несколько верст, как раз на ту уличку, где находится торгпредство, чтобы там достать кружку пива.

Вюртебергские полицейские никогда не выдали, вероятно, пивного заведения и принимают за такое бездумное заявление советского торгпредства. Не прочтя валиста на дворах, они, ничтоже сумевшие, по приглашению ареста, в поисках кружки пива, входят в несвойский им дом, а там срывают оконные ставни, а на их самими полицейскими уничтожены насилие.

Возгористость и неправдоподобность подобного объяснения совершенно очевидны.

Но если даже допустить правильность этой версии, — ослепшая берлинская полиция могла бы легко выйти из затруднительного положения, обратившись к советскому консульству в Берлине, где министерство иностранных дел к нашему полпреду с требованием о выдаче, скрывающегося в советском правительственном здании, преступника и принятые в это время меры, чтобы не дать ему ускользнуть.

Очевидно, умысел другой тут был.

Сейчас проходит советско-английская конференция в Йопподе. С другой стороны германское правительство ведет переговоры к Польше относительно заблаговременного германского трудового населения несчастливым империалистическим гнетом. Пушкере — все время срывает англо-русской конференции. Своими действиями германские власти, очевидно, предлагают обнаружить в нашем торгпредстве склады оружия и проп. и тем самым поднять кампанию против конференции.

Однако, этот заговор не удался. Цель не достигнута.

Наконец, может быть, обиды в нашем торгпредстве, являясь задачей также задачу дискредитировать Советского правительства в глазах немецкого рабочего класса в надежде таким путем восстановить его против растущего влияния германской компании. Но и этого не удалось достигнуть германским властям.

Германские пролетарии должным образом отреагировали на происки германской буржуазии.

4 миллиона повальных голосов за кандидатов коммунистической партии в немецкий рейстаг — доказательство тому.

Германское правительство оказало большое услуги самой себе, разглагольствуя вульгарно о том.

Рабочий класс России и Германии протестует против подобной выходки германских властей, направленных против нашего Советского Респу.блики; и в лице него против всех трудящихся.

Этот протест — есть достоящее доказательство того, что Российское правительство, со своей стороны, стоит на трудовые массы, нежелательные унижения и порабощения Советского Союза, — должным образом сумеет отбить из валды фашистского выходы германских властей и ее полиции.

ПРИБЛИЖАЮТСЯ ШЕСТОЙ СЪЕЗД РОССИЙСКОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО СОЮЗА МОЛОДЕЖИ.

Планом Центрального Комитета РКСМ поставлено созвать 6-й Всесоюзный съезд Российской Социалистической Коммунистической Партии (после партийного съезда). На Съезде будут обсуждаться следующие вопросы: 1) Ленин и моло-

НАК ОНИ ИСКУШАЮТ — дорогой Макдональд, мы совсем не против призывов; мы только за небольшую поправку к нему. (Известия ЦК РСФСР).

2) международное и внутреннее положение СССР; 3) отчет российской делегации в Испальское КИМФ; 4) отчет Центрального Комитета РКСМ; 5) о положении и очередных задачах РКСМ; 6) перспектива труда молодежи в народном хозяйстве; 7) работа сред детей; 8) РКСМ, Красная армия и флот; 9) о школе крестьянской молодежи; 10) Выборы Центрального Комитета 11) резолюции. Форма представления 100 человек РКСМ один делегат. Съезд, очевидно, примет предложение ЦК РКСМ, встретившееся поодне одобренное всех крупных организаций Союза, о переименовании РКСМ в Ленинский РКСМ. Это переименование будет иметь, без сомнения, большое значение. Каждый член Союза будет знать, что наша Союз — Ленинский Союз, и что цель каждого из комсомольцев — это проведение на деле замысла нашего дорогого вождя.

ПРИЗЫВ 1902 года.

Красная армия пополняется свежими, молодыми резервами — призываются 1800 лет. Их тем для Красной армии важно не только количество, но и высокая боеиспособность призываемой рабоче-крестьянской молодежи, в армиях будут приняты лишь те, кто может удовлетворить этому условию. Кроме того, в целях того, чтобы нанести эти «выборки» возможно меньше ущерба крестьянскому хозяйству, всяким вверстываемым кандидатам в армию, по достоящему установлению вить льгот, по которым, часть подлежащих призыву, в зависимости от количества трудодневных человек семьи призываемого, будет либо освобождаться от несения воинской повинности, либо эти последние воинской повинности будет несение облегчаться.

Для встречи призыва 1902 года в Москве, Смоленске и др. городах организованы агитгруппы. Часть мест в театрах предоставляется призывникам бесплатно. На пунктах встреч организованы чайные, где призываемым получают чай и хлеб, устраиваются концерты, играют оркестры музыки. Представительной обиходной картины добровольных призывов совершенно не замечается.

В целях более организованного призыва в городах устраиваются так называемые «железные» пункты, через который проходит регистрация призывников и назначение им определенного дня для мобилизации.

Холеровский яду. Вы прислали дневник одного молодого интеллигента, оканчивающего самоубийством на седьмом году Октябрьской революции, и к этому дневнику свое предложение. Нам пришлось, хо-зерья, признать совершенною очевидностью истия вашего предисловия и самого дневника. И тут и там вы изволите несправедливо глумиться, свидетельствуя о том, что от интеллигентской манеры пивного интеллигента — шуметь фразы и «словесами», — вы во всяком случае, несделко ушли.

«Амплитуда философских колебаний от Ницше до Серванта Соппева, мечтавшего волевать felice жизни, а не кусту бенгальского огня, застаивать нас, привносящий ко всему, подходить под углом социально-экономического критерия, в другом случае, проследить точки зрения социальной психопатологии, наконец, что от интеллигента наших дней.» Итак все, присланное вами, переплыло туманно-шестипятистными фразы, сквашенные доказательством, и, наконец, так много по многому отчается от просторской...

Еще, от этого словословия смара рабочих смеется, только и остается, что уславно нею згнать...

А. Третьяков (Владимир). По одному письму о вашем слате трудно судить Бессвиру желательности написания активного участия в «Смене» — в форме прислать корреспонденций (желательно всего бытовые зарисовки из жизни молодежи).

В. Вознесенскому (Владимир). Вашу заметку переслал в, Моделю Ленинск». Для «Смены» не possible, а именно так чересчур газетно-хронический характер. Ждем от вас материала.

Марко Поляну (Н.-Новгород). Выс за большой претупок неключая из комсомольца, и выведи его, чтобы искренно расказывая, работу и работы, дабы заглядеть свою яны, — вы заимствуете безнадказанно-унылым стилем.

На позо выписать себе бумагу. Пусть смеется, пусть глумит в галла. Пусть мне крикнуть в голову: Ну! И по себе зарядя разо... и т. д., и т. д.

К чему эти глумные самоопыания? Значительнее лучше делю, товарищ, и просить, чтобы вы не глумились, а такую изволите. Искунуть же свою яны, повторяю, можно делю, работой, но отнюдь не показывая, как вы сами их называете, стилями.

Р. Гаговер (Харьков, Являея Красногвардейской таб «Фабр»). Мы не можем, конечно, использовать. Ждем еще.

Н. Ковельский (Москва). Часть материала использовать. Будем рады дальнейшим корреспонденциям.

**К МЕЖДУНАРОДНОМУ
ЮНОЩЕСКОМУ ДНЮ
7 СЕНТЯБРЯ**

**«Смена» должна
иметь
100 000 тиражи!
КОМСОМОЛЬЦЫ ЭТО
ДЕЛАЮТ!**

РЕДАКЦИЯ И КОНТОРА:

МОСКВА, СТАРАЯ ПЛОЩАДЬ, д. 10-4.
Тел. 1-89-13 и 3-91-96.

ОТДЕЛЕНИЯ: В Архангельске, Екатеринбурге, Ново-Николаевске и Воронеже.

Рукописи принимаются написанные на машинке или четкой от руки на одной стороне листа.

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ
ЖУРНАЛ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ
ОРГАН ЦК РКСМ

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:

1-й АБОНЕМЕНТ: на год 8 р. 50 к., на полгода 4 р. 50 к., на 3 мес. 2 р. 50 к.
2-й АБОНЕМЕНТ: на год 13 р. 50 к., на полгода 7 р. 50 к., на 3 мес. 4 р.
3-й АБОНЕМЕНТ: на год 15 р., на полгода 8 р., на 3 мес. 4 р. 50 к.
4-й АБОНЕМЕНТ: на год 17 р., на полгода 9 р., на 3 мес. 5 р.
5-й АБОНЕМЕНТ: на год 20 р., на полгода 11 р., на 3 мес. 5 р.
6-й АБОНЕМЕНТ: на год 28 р., на полгода 14 р., на 3 мес. 7 р. 50 к.

№ 8

10 МАЯ

1924 г.

ВЗРЫВ
ЗАВОДА

Рассказ С. ДИНАМОВА.
Иллюстрации Г. БЕРШАДСКОГО.

— Тогда, значит, привидения есть.
Дунаев глазом метнул... сплюнул.
— Не продвигать от твоей несомнительности, Никита, невозможно без свидетелей.
— Не веришь,— Никита в раж полез,— когда я сам слышал?
— Гас?
— Во втором корпусе!
— Когда?
— Две ночи подряд. Посиди со мной— увидишь! Конечно, Сене никак от жены ночью уходить не хочется, но раз сознательный аземит— алао.
— Ну и приду. А уж если ничего не увижу— так такую тебе задачу!

МЫ ЗАБЫЛИ.

Мы забыли, что кто-то из инженерского дома расстрелянет темноту зорными глазами... Но пусть его посетит у окошка— когда нужно, впомним— в следующую главу.

II.

ЗАВОД НОЧЬЮ.

НИКИТА с Сеной сидят у сторожки. На обих туалеты. Динниучи— как за жальваном очередь.
— Теперь тайны эти не в моде,— ораторствует Сена.

А как же пишу?— спрашивает Никита.
— Выдумывают,— роиает свое мнение, а скатаи и спичку Сена.— Врут...
— Слабыйкий— точно на железо алстовое опилки падают— аэук,— тинкину в тишине...
— Тс-тс...

Жуть схватила... стиснула... кровь в голову бросил...
— Вот что-то заремало, как будто... А второй корпус— немой и страшный пучеглазый в ночь... Охны— куски темноты.

В СНЕГОТАЙЛКЕ.

На другую ночь— Никита был один. А Сена— как только вечер в рачиную зинорю закутается— был у корпуса. Еще раньше обложивла снего-тайлаку— без дела стояла— и в нес ввинтилась...
— Сидит... Холодно— как утюпленнику в проруби И скучно... Хотел уж было домой отправляться...
— Сиду лужак дураком и унн холодно! Точо в книжке— жуликов высказываю.
И писаню слова— тинны... тинны... тук— тук...
Кажется удивил, как слышанный— точно снег за спину сыплет.
— Сердце — молотком стучит. К шелье— раньше пару дарем просырива— приник... Прямо к окоу корпусному вилась— там— там...
— Личь кое где никель на машинах поблескивает.

В ПОГОНОЮ.

И вдруг увидел— кинжал света в яму преласил! И снова пропал.
— Тинны... тинны... динны— динны...
— Тихий шорох за углом корпуса... К другой шелье— пришла— темная фигура за поворотом. Из снего-тайлаки— за нею!
— Броском— а уга! У инженерского дома— скрпн дсри...

ЧТО ДЕЛАТЬ?

Так вот Сена и попал к фундаменту дома инженерского.

— Зависелась задернулась... Сена— снова к окоу, Ни черта не слышат.

Что делать? Вот положенные— точно на перископине в юбе да с ридиксоме припис.

Нечайно голову вертела мысль— будто ремис-приводный оборвался и кондом стукнуа— пробраться в погреб рядом с домом инженера. К нему из дома хол...

I.

ЧТО??

Ночь... СНЕГ... Завоа... Ветер выывает кошмоу, прдолговий раскаленный боа...

Инженерский дом. Из окоя свет. Тель мелькалуу... приписка к окоу. Фундамент из тени:

— Не слышно...
И вадру— камнем к фундаменту. Синалес— одна глыба кирпичина.

Из окоа— в сумрак ашце: что?!

Ночь... снег... ветер. В окне— янтю. Под окном— тень... змаетса к фундаменту...

А ПОКА...

А пока— оганисме денька на два назад.

Сестарь Сена Дунаев за столом сидит. В руках— бидисе. А руки у Дунаева— точно цапак застывший. Голос— тухловый, торпастый. Потому— прынак аитор перекривать. Веда ои— дзельо железный— в сотню лошадиных сил, а здесь сима-то, покладу, на одну ноту допозадрью.

Дунаев чай пьет— и жена его Фени пьет. Да и Никита тоже, сторож заводский, приятель Сени. Семь потов сушит, а в самоваре все еще кипиток есть. Ну, конечно, пьет и говорит. Чай без разговоры— что без шауря. Пустое дело! Выпиши по паре— осудан кооператю. По второй— про реформу финансовую. А как к третей делье пошло— Никита вилпесткой с редеа сокосчил.

— А что, Сена, есть теперь жукини или нет? Дунаев— грамотный, кандидат РКП:

— У нас на заводе нет.

Тведю так. Ты что, дескать, Никита, тель на завод наводишь.

— Вот и я так думаю...

Начая хорошо, а кончина совсем, плохо:

— Ч-порт!
Замок. Дверь ломать жалко. Пошарил в карманах— гвоздь нашел.
— А ну!

В ПОГРЕБЕ.

Тыку гвоздем, напущала собачку, открыл. Дело это с замками привычное с малолетства, когда учеником был. И по голове заставил замки эти гудели, шинки выдвигалась. «Пахнуло теплом и свежешейшей картошкой. Студенки старые... спустился... Вот уже и в коридоре... тыховико вперед... Сиюва лестница. Знакомо все—сам прилаживал.

Ход в кухню. А что, если хузарка спит? Прижился к двери... точно сам доской стал... Ничего не слышно... только откудато из этого холоса шумит.
Дверь ввалила—подается... Выступил голову—каждый волос с легкостью—грохнет кто... Выдвинулся изза двери и сежиком, точно на краше, к гостининой. Услышал:

—...заложки надежно, никто...
Только обрывки слышишь. Досадою.
— Сила взрыва будет болящая...
Ответ—мимо ушей—растает в гостининой, запугался в гардине.
—Значит, мы сегодня с утренним поездом уедем, а он...

Выткнул бы уши, востри ими в комнату и услышать. Провустан фамилию!
Только одно известно в голове огненной стальной полосой, прожглоло мозг—утром уедут. А кто же, кто устроит взрыв?
Еще теснее прижился к двери. И варуд говоринные метнулись вверь.
— Пропал!—взорвалась мысль.
— Стой!!!

РАДИЙ ПЕТРОВИЧ.

Семенов—токарь, как все другие и прочие. Но «прочий» он лишь с 8 до 5. А остальное время—иний. Ружа—как вылагуна—снег. Не шутка ведь, сын родился.
Первый! Всея артелью токарной думал—как назвать.

Смотрят ребята, зубы чешут.
— Гайкой вазон!
— Сам-то ты гайка без нарезки!
— Гулкою!
— Гвоздем!
Даже обидно. Тут, можно сказать, событие, не хуже Коминтерна, а они смеются.
А потом остановился на Радий.
— Радий, брат, все может.
— В-во! Так и будет: Радий Петрович Семенов!.

УБИЙСТВО АНИСЬКИНА.

— Браты, выьем за новорожденного Радия Петровича!
— Не зубок ему по ставачнику!
— Уж мы из него такого токаря сделаем, что чертам тошно стает!
— А теперь, за советскую власть!
— Нельзя смеюти нить за нее—неудобно.
— Выпши пиво—все таки на нем, СХУ золотится.
Аниськин, товарищ заводчий Семенов, казю-зюкала, как судак разварной, что под хреном подвады, стал.
А ребята еще накаивают:
— Пей, а то другие выпьют.
Можно сказать, напился в доску Аниськин... Илет домой.
И рассказывает сам себе митинг перелазничной Подоицы к дому инженерскому и подумал.

— Ишь, говорит, темноту пугает. Огач просие-щения прямо.
Надо посмотреть, чем это инженер занят...
Подойди к окошку, но не удаляйся на ногах, да как трахнет головой в окно.
Дверь—грох!
— Стой!!!
Руки—в право.
— Мил...
— Ш—ш—шпоти?!
Не пальцы—железо на шею.
— Ох—хр—р—р...

III.

КУДА ИТТИ.

СЕНЯ ДУМАЛ, что это к нему бросались и точно половицы утешили—не сдвинулись.
Пробежали мимо—как из-под поезда курьерского вылез... И обратно—к выходу из погреба... Пробежала корридором... А когда осторожно вылезла на сивенатый снег, следи послышалась глухой шум. Не знал Сени, что это мертвый Аниськин, синий как порох, которым на заводе патроны набивали, падал в погреб.
— Куда итти?
В голове точно пилла дисконка крутилась. Секретарь ячеей вместе с директором уехал в город.
Помощник—беспартийный.
К Никите—а что вадем сделаем?
К ребятам в обжиките—взломалося, а ну, как и там стель шпонио инженерские?
Все корпуса тогда не окружиш—взорвать успеют.

А ведь завтра в Главартклад приготовлено к сдаче несколько миллионов патронов!
— Надо в город ехать... До утра успею...
— А на чем?—уколола мысль.
— На лошади если—надо просить. А зачем, скажут, почему?
— Вот, сволочи, какое время выбрали!
— Пешком? Снег выпал, все равно к утру не придеши!
Чувствовал—еще мгновение и лонлет голова от напиривших мыслей, как тыква.

— А лажка из чтой!
Вот, ведь, затенце клоко. Старый лыжник—в Карельской операцион участвовал—и забыл!

...Фени не слышала, как отпер Семен дверь, взял лыжи.
Где же тут, когда вчера такую стирку заглава, до часу почти хоронидася. А все потому, что в субботу репетиция, а она «роль играла».

Наклонился, напряжился—только ветер засистел...

НА ЛЯЖКАХ.

Шел по финска. Папки выстро вперед—раз... подтянется—два, а потом—выстрел!
— Раз!—два!—три!
Снег... мятель.
— Раз!—два!—три!
Мятель, снег. Столбы телеграфные гудают в поле заснеженном... По ним—дорогу угадывал.
— Раз!—два!
Ветер облизнул, залез за пазуху, холостыми стравивши по тую победка.
— Раз!
А руки не двигаются. Горят, как под прессом... папки выдвигаются.
— Два.
Упал на снег... Схватил горсть, проглотил жадно... Дышать тяжело. А прохвал ведь не больше десятка.
— Наю!
Повел русским ходом... Все сила в ногах—руки отдаются.
— Раз!—два!—три—четыре!
— Рация!—вперед! Скользко, как чужой Семену Дунаеву и, только когда на вершине холма оуплас—ветягомо слышася. Вспомнил, как летал раньше с горю.
— Ну—ну!
Наклонился—папки—назад—напружился—только ветер засистел.

В ГОРОДЕ.

Ночью Фени проснулася—а Сени нет.
А в это время Сени шел по городу. Приспеть бы, заснуть в теплом снегу под ветря вой... только бы не всплывать, как горит ноги, будто в них провал ласка с козким током электрическим. Руки—как молчали.

Кровь бешено крутилася и красивые витки носила перед глазами.

УПОЛНОМОЧЕННЫЙ ГПУ.

Топ. Митрофанов, уполномоченный ГПУ при уполномоко, млодой парень, только из комсомольского возраста вышедший... Снял Митрофанов во все свои двадять четыре года, и хрался сладко. И он видел. Илет будто по лесу, где вместо деревьев пакаты, что в исполомке висят, мучами разукрашенные. Но это все ничего и его, Митрофанова, вылетает мама... А потом увидел избушку. Правильная избушка, по всем статьям, а только из трубы вместо дыма—проломачши контр-революционные ласты.

— Ах, сволоты!
Митрофанов бегом к дому. Дв прилиа к земле—не сойдеши. А дом смеется, свистит, трюкост.
Повнутился Митрофанов, залуился—и... проснулся.
Телефон, как ребенок без матери, отчаянно захлебывался, зыкаял над ухом.
Хрипло:
— Что надо?
— Так... так...—присылать его сюда.

ЕСТЬ.

Выслушавый рассказ Сени, поспешно одевался. И, всовывая ноги в валенки, бросал коротко:
— На станцию к утреннему поезду—троим!
— Со мной—четыре!
— Еды!
— Лоняед подать сейчас!

...Мимо пробежали домишки городские, утормо в сутроби заринившие... Сени в сияня сная, как убитый...
Во сне изредка стова.

Майское утро.

Стихи ИВАНА ДОРНИНА.

На печи в угау,
За кипячим,
Собрались на митинг тараканы;
На стене
Картина к Илльчю,
Под божиццо
Утопик драный.

За столом
Села голова,
Как спол гречиний—
Роннет зернами слова,
Чуть слышно.

На заней лавке
Пряжа с дощем,—
Объял друга по тру—
Кудало,
А с улицы,
В раскрытые оконце,
Ебачок солнечные палесты.

А с улицы
Палауко вестером,
А с улицы воровалок:
Ти-ли-ли...
Заходило сердце челоком,
На душе—
Лукайки защеши.

А перед печью,
Где углосек выжики,—
Ребятички,
Словно чьянки,
Про комуку шещечут.]

Даже Васька-кот
И тот—
Золотистую разрыв солому,
Улыбнулся—
Утрау голаубому.

Здравствуй утро,
Здравствуй май,
Здравствуй веселье весняна...
В месяц май
Не вспомяни
Думушки давнишние.

— Руки вверх!
Вы арестованы!

IV.

ПОЕЗД 5—30.

В 5—25 к полустанку
подъехал четверо.
Взглядами обшарили
быстро. Все в порядке. Мужа-
ки с узелочками приносили на скамейках... бабы
увисали поушечные блинцы в утлы платков. В
топастых шалах походили они на осенние мозаки
капусты.

В 5—27 подъехали инженер и механик с завода.
В 5—30 зворал паровоз, развесь по астру дым
вошнестый, закатак и притыл у конца платформы.

В 5—31—звонок... свисток. Поезд двинулся.
Улыбались инженер с механиком. Улыбка в по-
ротиках теплых закутала... красный шпур губ
скрипя...

ЗАВОД УТРОМ.

Остановились за версту от завода... разбудили
Сеню.
— Ити можешь?
— Поборовал.
— Ок.
— Подошны—как без кожи.
— Поп-робую.
Даже зубным скрипял.
— Ничего.

...В инженерском доме—пусто.

Кухарка:
— Барин утречком на вокзал уехал.
Оставил одного на ГПУ. На всякий случай.

Сеня у Никиты ключи взял от второго корпуса.
— Ввєра фрезер малость попортился, пошню
пораньше.

Отпер корпус... спустил двоих... слылись со
станками. Ключи Никите обратил.
— Збыла, брат, что утром сегодня работать не
буду—прости, что побеспокоил.

Так... корпус снова затер.

МОНТЕР.

Еще гулок не нырал в воздухе морозом, утрен-
нем, когда во второй корпус пришел монтер... К
мотору подошла. Повозилась...
В руках проволока... быстро закрени на шкене...

Взвился гулок, ворвался
хозяйном в комнату, бы-
стрее жевать заставил, вы-
тащил изла самолетов
работчик.

Медленно, лениво по-
тягиваясь, повернулся
шкени... зарокотал мотор,
погоновский элекстрес-
скими волнами медных
жила—кабелей. Все уско-
рался и ускорялся могучий
ритм маховика, в бескон-
ном беге силелась в один
торжествующий грохот.

ОСТАНОВКА ПОЕЗДА.

Паровоз шипел, пар,
свисты, вылетал из-под
лощиников и станция
осталась позади. И вдруг
встал, недовольно заворчал
вестингаузом... К инже-
неру трое:

— Руки вверх! Вы арестованы!!
Он было рванулся к ок-
ну, но стекло врезалось
в руку... в висок—чер-
ный кружок брэнтуина.

СКРЕЖЕТ СМЕРТИ.

Привод перевели на ра-
бочий шкени... И вдруг—
вызвало пламя... оглуши-
тельный грохот проиелся
по залуку, точно тучи
высоенные стали чугун-
ными и упали вниз, дая
и сокрушая землю!

Дрогнули массивные бе-
тонные пласки второго
корпуса... в нестринной
огненной муке скручивались
железные балки, изгиба-
лись, как огромные змеи,
и рухнулись с диким
ляготом!

Маленькие бландриро-
винные комнаты, где ра-
ботал машинный инженер,
порох—стали кровавыми
мисуробками: от сотресе-
ния пороха в них взорвались... и воздух, ставший
как стальная пружина—дробил рабочих о башкаж
стек.

Гулок—такой маленький и хриплый среди этого
грохочущего смерца смерти—не кричал, а был в
ужасе, бросая всдуку весту о гибели завода...

Так было бы... если бы не произошло событий,
с которых говорит следующая глава.

НА ХОЛОСТОМ ХОДУ.

Мотор загудел спокойно, но был еще на холостом
ходу. Монтер к выходу.

— Пождоните, товарищи, к вам дело!
Не успел пожать, в чем оно—как скрутили,
обшарили карманы.

— Где динамит?
— Все равно иронял—а молает—помиаюют...
— Под пальом... если протисне—покажу!
— От балдагов условий не принимайся! Митро-
фанов—резоко—но если сознаться—будет легче.

Монтер оправдал, что оправдала разговор.
— Третья, — сказала прокурер, — при ред-
судимой вышней меры выказана, я еду при-
говорили к ней всех обвиняемых, включая и толстого
монтера Сергеева, которому мы уже приехали
расстрелять в штабля ЦК Губкома. Мы бы хотели
бы приговорить вас вместе.

1. Дувану вырвали благодаришь от ядро
Сов. власти во осеннее время.

ГДЕ БЫЛ ДИНАМИТ.

Монтер подошел к мотору и головой—руки были
связаны—указал на тонкий электро-провод и сказал:

— Если бы перевели на рабочий шкени—полу-
чили бы истра... а динамит—под полом.

Когда, со всеми предосторожностями, стали
исследовать пол—оказалось, что сеть шашек для
взрыва была протянута почти во всем корпусе...
Работали по ночам... то монтер, то механик.

Заголовок газеты «Красное Знамя» орган... испол-
кома? Газета слошена... видны только строчки.

— Понятно, согласен. Дело такое — отказать нельзя. Ну, и понадежь же им, сукиным детям! Пусть только сънутся. Огней ты их, Сергей Лаврентич, как сидеть.

— Да верно ли это? Может, один только страх наводит? А?

Шировок отрицательно покачал головой:

— К сожалению, верно, и, как я уже сказал тебе, Василий Мирочин, нам известно все до последней топки. Сказку тебе больше — самый-то центральный пункт недалеко от тебя находится. Вот об этом-то дай-ка поговорим сейчас.

— Что ты, что ты! — зароботал Хруцов, верно задрал на табуретку, — да быть не может, да я с ума сойду!

— Ты поговори — перебега Шировок. — Главное тут колесо — твой Федор. Есть, конечно, итыш и поводи его. Но ой, выдалки ли, и роде, как для связи служат.

— Сейчас, например, даю ему задание походить наши Феодосийский квартал. И нам нужно, — еще ты защитишь ой, — ликвидировать его во что бы то ни стало.

— Федор? Федор? Нет, ты подумай, — вскриел, подпрыгивая Хруцов, — какой старый пест Дх, тут его побойти! Ну, так как же, Лаврентич? Его здесь пальцем тронуть нельзя, — весь порт за него встанет.

— Это и оно! Вот я и полагаю: ты ему ни в чем впаду не покаяния, а пошлешь как с грузом в Феодосию. Он с радостью поедет. А там его уж раздавят под орех. И человек такой напился на „Бесположном“ — капитан Ян. Он же его и выследи.

— У него с Федором старые счеты.

— Выдашь ли, Лаврентич, — раздумчиво произнес купец, — боюсь только, как бы на меня потом поамерикане не шло. Надо с капитаном твоим как следует сторговаться, что отвечать, в случае, если что спрашивать станет. А то ведь у меня с Федором дады несообразные, все знают.

— Это можно, — ответил Шировок, — завтра перед вечером приходи к тебе его с деньгами. Начес всего и сторгуешься. Только учти, покаяния, не задерживай, Василий Мирочин, провидит. Люди есть, задержат грузить можно. А счет загатов, — закончил ой, — встави.

— Все будет сделано, Сергей Лаврентич. Сегодня у нас что? Пятица? В поведельник синькесь.

Или ты останешься?

— Я останусь, дела есть. Время уж очень тревожное — как бы жукались, устало произнес Шировок и подал Хруцову руку.

Когда дверь за полковником закрылась, Хруцов с минуты постола, прислушавшись к его заходящим шагам и затем, быстро подойдя к столу, начал приводить в порядок бумаги.

Кончив, взяла тяжелую связку ключей и, прежде, чем выйти, еще раз прислушался.

На улице была тишина.

И в углу, совсем близко, ему показало, что и в самом магазине раздались выстрелы.

И снова наступила тишина.

Хруцов замер. Кровь отхлынула ему в ноги.

Наконец, овладев собой, ой сорывато бросился к двери, ведущей во двор, заны на ходу ключами.

Огней в лампе остался гореть.

В.

МАЛЬЧИКИ поодиноки к ярко освещенному залушко училища и остановились.

Виктор, всея оговор разжигавший любопытство Андрея, обещая открыть „великую тайну“, наконец, складил и выпал сразу.

— Ну, Андрюшка, итти нам с тобой на вечер, или нет?

— Да знаешь ли ты, Хруц! развешивать, что сегодня будет обман да махина. Счете порт ошелшил. Сам видел. Отец уже двое суток не спит. Сказал мне, что на-днях по всей России будет восстание, и всю сполоч в входе твоего отпа — к чертовой бабушке поведут. На дворе уже январь, а в газетах, а в газетах, что нишу! — Приезди один человек из-за границы. Фамилию только забыл.

В поминкованном вагоне. Помнишь? — в пломе-бо-вадом. Не доест ли пухляк, а ой проглатил. Теперь все восстание руководит. Хочет, чтобы народ взял в свои руки власть, а богатым по шпке дай. Понал?

И Виктор несмело взглянул перед носом огорошенного Андрея.

— А ты не врешь? — недоверчиво спросил тот? — Неужели и у нас в Севастополе дрались бунду?

Виктор обвел его взглядом.

— Что-ж ты думаешь, здесь не такие люди, как там? Говорят — уже нас жарче будет. Да чего тут стоять? Бегали лучше в порт, моего, чего и ушли.

И они засмеялись к внутренней бухте, отбывая. Грязную пристань.

С моря дала ветер.

Стая накрывшая теплый меховой дождев.

Было темно и тихо, только далеко на северной стороне лагала собака.

И вдруг, словно заржалась земля, с удругим трескучим гогохом.

„Стреляют!“ — пронеслось в голове Андрея, и сладкое чувство сознания опасности востынуло где-то около сердца.

Еще два меча заржалось сзади и слева от них, и мальчики увидели впереди себя короткие желтоватые вспышки.

— Бегите! — закричал Виктор, и Андрей поспешил в темноте, как заргелось лицо его друга: — Бегите на пунди! — произнес ой, ухватив за собой Андрея.

И они помчались вперед.

Андрей испытывал сложное чувство физической слабости, страха и незнакомомого опьянения опасностью. Последние ощущение постепенно побежало, сообразя странную уверенность в неуязвимости.

Несколько пунд тонко пронзено над их головами, уносясь в темноту.

Перестрелка разрасталась, когда Виктор дернул Андрея за рукав, круто свернул в узкий проход между домами.

— Фу! Сильно пробежался! — заговорил ой, дыша полной грудью: — А ты здорово струсишь? — Прямая!

— Ницуть, — ухмыляясь, ответил Андрей: — Хорошо очень было. Только устал я, давай отдохнем.

Но отдыхать им не пришлось. Послышались крики. Мимо них, стреляя, пробежали люди, и снова часто-часто посыпались гогох.

Валия к нам! — сказала Виктор: — А это еще влитош.

И, кружа переулками, минуя места обстрела, они стали пробираться к базару, недалеко от которого жил Федор.

В окнах безымянной мазины горел свет.

Дверь в сени была открыта, и друзья вошли под навес.

Виктору не хотелось входить в дом, но их уже усадили.

На пороге повисла высокая встревоженная женщина.

Виктор, ты? — с бесполовностью спросила она: — Отца видела?

— Нет, — последовал короткий ответ.

— Где шляешься, безобразник? А с тобой кто, Андрей? Ну, войдите в дом, холоду не напущайте себе.

И она приоткрыла дверь, пропуская Виктора и Андрея в комнату.

В голову ударила густой запах горел и галечник.

Несмотря на бросавшиеся в глаза белость, комната выглядела приятно.

Помат было только что вымыт; от него еще пахло сыростью. На онах висели чистенькие занавески.

Мать Виктора, красивое лицо которой портила зубами и морщинам, — с тревогой смотрела на вошедших.

— Ну, что в городе? Стреляют? Хоть бы уж дострадали до чего-нибудь! — с горечью произнесла она: — А отца еще нет. Ох, горе!

— Ну, мать, ты не киснешь! — нахмурился Виктор, вникнув с отцом не становится, предает. А с Зинкой — что? Где вальсешь? — обратился он ласково к сестренке, свернувшейся комочком на большой кровати.

— Лиоридка у ней. Не тронь ее, — ответила мать: — Ну, дела-дела! — вздохнула она, принимаясь за уют.

Виктор повел Андрея к маленькой этажерке в углу комнаты и показывая книги.

В урочник новейшей куртки застрелал, и лицо Андрея налилось кровью...

— На, возьми! — сказала Виктор, протягивая Андрею газету — дома прочтешь. Тут вот я поамерикане самое интересное.

С ушми доносился шум дождя.

Громко шли стальные часы с термом.

Приятно читали. Иреда, звякал уют.

Резкий стук в дверь заставил их вырваться.

В комнату вошел человек в клеенчатом плаще и моконной рыбацкой шляпе, с которой текла вода.

— Феда! — вскрикнула женщина и бросилась к мужку.

Он снял мокрый плащ и шляпу и стоял посреди комнаты, бледный, с развратившимися ногами.

Годы еще не согнули его роста. Было в нем что-то дубовое по крепости и неоскуришности. Больше на выкате глаза. Броня в плу, словно утлом ирвоненскую линию. Короткая седая шесть на выпуклых скулах. И крутой умыный лоб с зарубочным шрамом.

— Ну, вот, и я — цел, и вы — целы, — сказал он, смеясь, обняв жену и сына.

— Здравствуй, Андрюшка, — протянул ой мальчику руку: — в такое время, значит, не с отцом, а с нами. Молодец! Люблю за это!

Андрей, покраснев от удовольствия, промочил.

— Ну, жель, я неслыхного, — застенила Федор: — Давай чего-нибудь поесть и побегу.

— Гю, видя же измененный цвет лица, прибавил: — Теперь — скоро вернешь. Ночь обьсык могут быть. Сегодня в Ивернии мало все бурмид досты. Завтра и ввечеру боду. А в городе уже все спокойно. Сейчас, что было — это смута, репигиши. Главною — вперед.

— А вы чего на меня уставились? — обратился ой к мальчишам, которые молча сидели за каждым его движением.

— Вот вам все приключило хозелось, — прождал ой, усаживаясь за стол и кладя возле себя револьвер.

— Да, скажу я вам, ребята, сейчас у нас такое приключение начинается, что вам и во сне не снилось.

С этими словами Федор при общем молчании энергично привстал за поставленную перед ним еду, хруста капустой и смачно выпрыгивая в мясо ровными, как фасоль, зубами.

— А Зинка где же?—спросил он вдруг, оставившись.

— Зинка захворала—ответила мать—лихорадит ее сегодня, сейчас—спит.

Федор встал, пошел к девочке и пощупал голову.

— Пройдет! Ты, мать, вылечи ее до моего прихода—засмеялся он и, подойдя к кровати, начал доставать из-под подушки бумаги. Уложил их в зеленую коленкорную папку, перевязав бичевой и стал прощаться:

— Завтра вернусь. Ничего не бойтесь. И не прощайтесь!

Он взял револьвер, надел плащ и шляпу, пошел в каб. девочку и вышел.

VI.

НА КОЛОКОЛЬНЕ городского собора пропавший вчера сторож прозвонил десять раз, хотя было уже гораздо больше.

Дождь перестал.

Лука тускло багстели под фонарями. Дух ветер с моря. Андрей, пожегивая от холода, с газетой в руке по пустынным улицам пробирался домой. Радостное чувство наполнило его.

Ему было приятно сознавать свою причастность к тем людям, как Федор и его семья, ибо за ними он бессознательно ощущал скрытую силу множеств, направленную к одной цели—осуществлению справедливости.

Что-то расширялось в его душе—встречу этим сильным, задумавшим что-то, людям.

Но при мысли о своей неслышной слабости ему стало стыдно.

Он твердо решил сделаться таким же, как Федор и Виктор, и, счастливый от принятого решения, зашагал быстрее по тротуару.

Дойдя до дома, он вошел во двор и, вскрывшись на железную крышку склада, влез в окно.

Попробовал дверь (она все еще была заперта) и, положив на стул возле себя газету, раздвинулся в темноте.

Затем—лег и сейчас же—как в яму провалился—заснул.

VII.

ФЕДОР ГРЕБ, стоя, сильными привычными ударами.

В тихую погоду до Инкермана можно было добраться за три четверти часа, но сегодня, при свежей зыби, нужен был час.

Когда показался Инкерман с церковней путевой монастыря на вершине, Федор, обогнув мыс, увидел разложенный на берегу костер. Это был условный знак «все благополучно».

Он мягко всдвину лодку в береговой шельф, поднялся выше, чтобы не было волной, и пошел вверх, туда, где виднелся костер.

Дойдя до освещенной сторожки, осмотрелся и, убедившись, что кругом нет никого, вошел внутрь.

На огромной, заменяющей стол, козле горела совершенно омыленная свеча, лежала бумага и карандаш.

Трое людей при появлении Федора с тревогой уставились на него.

— Ну, как?—спросил маленький, коротко стриженный человек с бугорчатым лицом и роговатыми очками на лбу.

— Все цело. В городе тихо—ответил Федор—нет ни одного раненого.

При этих словах двое других облегчено вздохнули—маленький матрос с седым клоком волос посреди густой шевелюры и девушка в кожаной куртке и сапогах.

— Ну и отлично!—сказал маленький человек, одушая очки—давайте свои бумаги. Товарищ Шелест и товарищ Сименков!—прозвонил он, обращаясь к матросу и девушке:—я полагаю, что все

возможности предупреждены. Нам остается только начать действовать. Товарищ Федор!—он указал на лежащую перед ним бумагу и конверт: здесь—план восстания. Город разбит на районы, и все районы распределены. Это и вот—эту шапку надо во чтобы то ни стало передать Кокареву. Он болен, и за ним следят днем и ночью. Тем не менее, я все же на вас надеюсь.

— Пустое!—махнул рукой Федор.—Передам. Я сына пошлю.

— Затем—ваше фелодоссийское задание,—продажа человека—без связи мы не можем начать. Когда вы поедете?

— На этих днях обязательно. Слово дано,—смущенно ответил Федор и тихо прибавил:—Семья, знаете.

— Ничего, ничего!—обрабашил заговорил девушка.—Вы у нас молодец, который раз без боя выносите.

Наступило молчание.

Большим колпаком огнем горела свеча. Ветер козылка пламя, залетая в рабытые стекла.

Вдруг в тишине послышался шорох.

Самым громко дая крысы, кто-то ворочался над их головами за гнилыми досками потолка.

— Эй, кто там?—кричал матрос, вынимая браунинг!—слезай, стреляй бау!

Вместо ответа шорох усилился, затем послышался спаруж прывок на землю и шаг бегущего человека.

Матрос кинулся к окну и дважды безрезультатно выстрелил в метнувшуюся прихрамывающую фигуру.

Человек исчез за холмом.

— Ну, что-ж теперь будет?—с досадой произнес Федор,—подслушай так, галы!

— Ничего не будет,—резко ответил маленький человек, закусав губы.

— Товарищ Сименков, завтра мы с вами—в усад. Товарищ Шелест остается в городе для агитации. А вы тех палевакы! Чорт с ними! Нам теперь скрывать нечего. Идем направо!

(Продолжение в следующем номере.)

Трое людей при появлении Федора с тревогой уставились на него.

ДЕЛО ЭРБЭ и К^о.

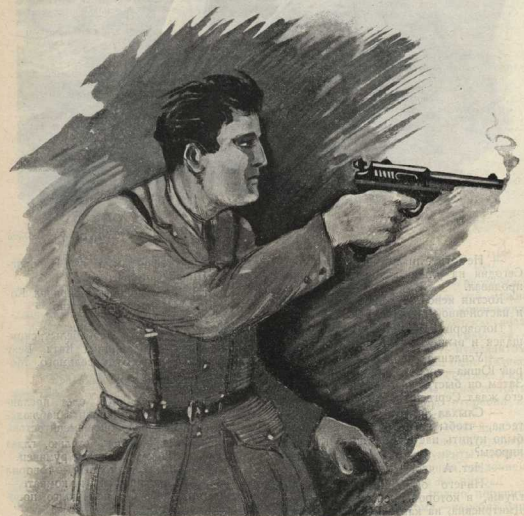
Роман М. ПРАТУСЕВИЧА и И. САБЛИНА. Иллюстр. МИХ. ЯГУЖИНСКОГО.

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩИХ ГЛАВ.

В Москве арестован Эрбе, при нем найдены доксы машины и зашифрованная записка. Шифр—двойного обозначения. Следователь Костин раскрывает его. Гитли делеiturся из-за грубости. Андрей и Сергей направляются следователями в Батум. Они едут как представители Эллинского общества. Дорога полна приключений. Встречают английский минносец, открывает берега Пиленково, иде место Поти—Сызм; в Поти Сергей арестовывается, но он освобождается. В Батуме Андрей узнает, он бежит. В Тифлисе Сергею удается посредством бокса освободиться от офицеров и бежать на автомобиле. Шoffer, Саша Стуков, оказывается «сымом».

В Батуме Андрей по главной статье узнает коммуниста. Осторожный разговор между ними и Андрей знакомится с поповым. В тот же день ему удается подслушать разговор двух бывших офицеров—и он вербует их себе в работники. В дуэане Андрей случайно расшифровывает записку: Мария 14—1—Маринская ул. Он снимает там комнату и узнает подробности заговора.

Сергей у боксера (которого изображает Саша Стуков) встречается с Андреем, и они начинают вальмовый план действий. Между тем Саша Стуков, приваленный к полковнику Войтинскому, попадает в западню—с трудом освобождается и убежит, захватив с собой важные документы.

Между тем к английскому генералу Кур Коулис с секретными документами прибывает от Врангеля один офицер. Саша Стуков в качестве шиффера, провожающего офицера на пароход, удается отклонить его от сходных пристани. При этом порфирит летит в воду и его достают для Стукова своей лодочки.

Чтобы предпринять планы врагов, Стуков и Леонид, с согласия Сергея, реируют взорвать нефтяные баки. Это предпринимать им удалось.

На Батумском вокзале всяка Катя узнает в Сергее бывшего боксера и вместе со своим спутником начинают его преследовать.

Сергею и Валику удается скрыться. Валико, под именем кормильца, проводит Войтинского и тот дает ему поручения в Новороссийск с нитями заговора.

Андрей продолжает работу в Батуме и вовлекает нового работника, Виктора Стрелетова. Девятая глава переносит действие в Москву. Миша выясняется на Стояничниковом заговорщика, тот, захваченный ружьем, умирает. При вскрытии обнаружена проломленная им тляпка.

Евгений везет Вера Громова, терроризированный белоарбейцами, готовится к выдаче им секретных документов.

В это время Валику удается получить командировку от Войтинского в Москву с письмом к Кириакую—о плане наступления бело-зеленых банд на «Волчьих Ворота».

В Новороссийске Валико встречается с Кириакую, фактически арестовывается, а Кириакую, назначенный следователем, его освобождает, и оба едут навстречу бандам, каждый для своих целей.

Глава XII дана в сокращенном виде.

ДАВ ЛОШАДИ отдохнуть, Валико собрался в путь и только к вечеру попал в Геленджик.—Вместе с Клячко они всю ночь просидели у телеграфного аппарата. Распоряжения были даны. «Волчьих Ворота», где группировались зеленые, были со всех сторон окружены войсками. Рано утром телеграфист читал донесение:

— Взято в плен 643, убитых 158, раненых 235. В районе расположения зеленых был задержан подозрительный человек, по документам Кириакуюло. Пытался бежать,—убит.

У высокого берега Черноморья в Геленджике, именуемого «Толстым мысом», стояли Клячко и Валико.

Молодой грек ездил в телеге, доверху нагруженной хлебом, неистово крича:

— Хлеб кончается... Хлеб кончается...

Начиналось праное Геленджикское утро. Из двух этажного белого домика, где помещался Морпункт, в трусиках, высипали молодые ребята. Бодрые крепкие песни, разрезавшие безоблачное Геленджикское утро,—звучали втак на строениям, стоявших у «Толстого мыса» Клячко и Валико.

— Вот что значат «Волчьих Ворота», дружище Валико,—сказал Клячко, устремив усталый,—с радостным, бодрым огоньком, взор в точку моря, сливавшегося с безоблачной синевой горизонта,—к таким же. «Волчьим Воротам» надо прижать и раскрошить московскую «челядь».

XII.

РАЗВЯЗКА.

ВОЕНКОМ был в столбике. Красные Лягтян зловецке играли на лице. Наконец, он задыхающимся голосом произнес:

— Вот оно что. Да, да. Понятно. Все теперь понятно.

— Что это вам, товарищ, понятно,—иронически спросил Костин.

— Да поймите же: шафк всегда на замке. Без пропуска никто войти не может, а Новиков?

— Оставьте вы Новикова в покое. Он арестован мною для отвода глала.

Военком развел руками. На лице его расплосчалось недоумение, потухши все признаки мысли. Костин невольно улыбнулся.

— Да, о Новикове я имею точные сведения. Он тут в при чем. А вот относительно других сотрудников вашего учреждения я не совсем уверен.

— В таком случае я ничего не понимаю.

— От этого нам несколько не легче. А кто до Новикова заведывал архивом?

Военком презрительно улыбнулся.

— Ну, о том беспокоиться не приходится. Есть здесь у нас старичек-поповик. Душа в теле еще держится. Трусая, как заяц. К тому же был болен и дела все при мне слая.

— А давно он заболел?

— Да вот несколько дней до кражи. Костин с Сергеем переглянулись.

Когда военком ушел, Костин обратился к Сергееву.

— А, что ты скажешь?

— Скажу, что преступники действовали наверняка. Великоделю знали расположение комнат. Кто-то "дал дело". А твоя теория, что всякое преступление сопровождается действием, заметающим следы, и что отсюда нужно начинать расследование—на этом деле великоделю подтверждается.

— Нет, что ты здесь считаешь этим действием?

— Внезапная болезнь старика. Нужно его сейчас же арестовать, пока не поздно.

— Ну, брат, ты черезчур торопиться. Нужно ему только переменить соседа по комнате. Ты за это возьмешься?

— Ладно. Сделаю. Кстати, какое впечатление на тебя произвела Екатерина Дмитриевна?

— Женщина умная... Боюсь—только не черезчур ли...

— Что ты этим хочешь сказать?

— Пока ничего... Но мне показалась подозрительной ее настойчивость... Она бьет все время в одну точку...

— В какую именно.

— Ее интересует только дело с покушениями на вождя революции... Впрочем, завтра я думаю кое-что узнать. Я нарочно не взял у нее адреса, но, конечно, узнал его. Думаю гранить неожиданно. Это действует на психологию. А с женщинами без психологии не обойдешься.

Сергеев сокрушено и недоверчиво покачал головой.

На следующий день Костин сообщил по телефону, что "хозяйка дома" и он отправляются с "юпитром".

— Можно?—постучался он в одну из комнат квартиры известного артиста Юлина.

— Войдите...

Катя вздрогнула и побледнела.

— Вы! Но как?

— Шел мимо, решил вас навестить? Вы не в претензии?

— Нет... пожалуйте... садитесь.

Через минуту уже Катя взяла себя в руки и все лицо ее осветилось оборотистой, ангельской улыбкой.

Она посела близко к Костину.

— Однако, вы быстро,—глаза ее смеялись, как будто говоря: «я же понимаю, какой вы молодец».

И только рука, державшая букет цветов, дрожала.

— Пустык,—сказал Костин,—вполне естественно, что я знаю адреса своих знакомых.

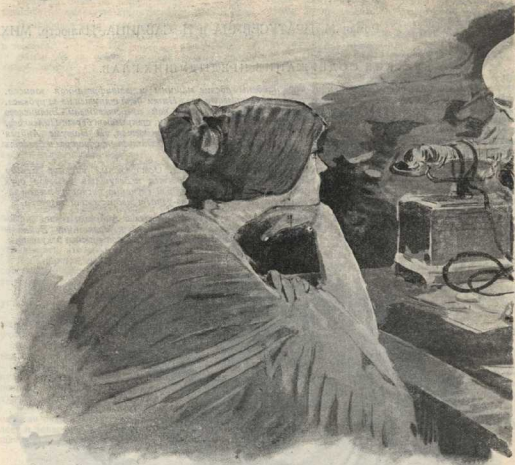
Он закурил трубку, оглядывая комнату. Внимание его привлекла печь—она и не столько сама печьница, сколько то, что он в ней увидел.

Продолжая разговор, он незаметным движением руки подвинул к себе печьницу. Потом спокойно взял лежавший в ней окурок и начал его разглядывать.

— Итак, вы говорите, что в провинции активной работы нет...—говорил он с удивлением, читая английскую надпись на папиросе.

Катя вскинула на него свои длинные ресницы. За ним метнулся страх. Но страх в ту же минуту был убит развлекательным смехом. Грациозным движением всего корпуса достала из кармана платяную коробочку.

Еще один

Катя вскинула на него

— Не хотели английскую папиросу. Сегодня на улице какой-то мальчишка продавал.

Костин невольно злобоялся смелой и настойчивой противнице.

Поговорив еще минут пять—он попрощался и вышел.

— Усиленное наблюдение за квартирой Юлина—коротко приказал он агенту. Затем он быстро направился к себе, где его ждал Сергеев.

— Слыхал ли ты,—спросил он Сергеева,—чтобы на улицах Москвы можно было купить настоящие английские папиросы?

— Нет. А что?

— Ничего особенного, но уездная глушь, в которой пребывала Екатерина Дмитриевна, на карте РСФСР, вероятно, не помечена,—и он протянул Сергееву папиросу.

— Это у нее такие?

— Да.

— Постой... постой... Я где-то видел такую же. Да, да вспоминаю. На вчераше у скрипача Яковича. Он привез из Батума несколько коробок и угощал своих знакомых.

— Из Батума—чуть не подпрыгнул Костин,—скрипач из Батума, английские папиросы и сельская учительница... да-а... — Но ведь она меня познакомила с Яковичем. Быть может, он просто дал ей пару коробок?

— Тогда при чем тут мальчишка-папиросник.

Наступившее молчание прервал вошедший шифровальщик.

— Радио-телеграмма из Новороссийска. Шифр Сомова.

— Ага! Комсомольцы—вскричал Костин.—Вот что нам тепер нужно.

Телеграмма гласила:

Выехали в Москву двое белых, скрипач Якович и блондинка Катя. Безупочту. Белые явки. Буду сельского. Морев.

— Морев? Кто это?

— Условная подпись, едет послание... Распорядись установить наблюдение за этой музыкальной знаменитостью.

Голос Костина звучал сталью, глаза сверкали, на щеках появились румянец.

— Молодцы, комсомольцы,—говорил он в волнении, прохаживаясь по комнате,—без них пришлось бы нам долго повиноваться.

До сельского осталось четыре дня и Костин решил пока Катю не трогать и поддерживать знакомство. Сергеев уговаривал быть осторожней. Раз сама навязывается на работу, значит—метит его убирать.

— Ладно, посмотрим,—ответил, Костин,—я ей помажу губки таким предложением, что она отложит это дело.

И на следующем свидании с Катей он говорил:

— Видите ли, Екатерина Дмитриевна, все наши старания открыть белых здесь, на месте, потерпели крах. Не возьмется ли вы поехать в Батум. Я дам вам явки к своим людям. Вы человек опытный, имеете старые связи. Что скажете?

При упоминании о явках, Катя оживилась, но, чтобы не выдать себя, просила подождать день-другой.

свои длинные ресницы: «И Хотите ли английскую папиросу?».

Костин назначил встречу через три дня. Приезд Валико сразу разрешил все сомнения и вопросы.

Оставаясь незамеченным, он присутствовал при разговоре Костина с Катей, побывал на концерте Вацлава и с нетерпением повторил:

— Это они, они. Берите скорей, а то улетите.

Но Костин не торопился. Он знал, что делает и был уверен.

Валико зашел к Кате, которая видела его у генерала Драценко в Батуме.

Он с таинственным видом передал пароль и, рассказав на словах о поручениях, сразу вошел в курс дел Московской организации.

— Пакет с инструкциями я вам принесу на днях. Он у меня на конспиративной квартире.

Катя послала в Ленинград и Труду двух агентов, которых невидимо сопровождали люди Костина и песенка их была спета.

Оставалась невыясненной казанская явка, где главную роль играл какой-то доктор. Валико тщетно придумывал инструкции для Казани. Катя находила преждевременным посылать туда человека. Один из таких разговоров велся в присутствии болтливого Вацлава.

— А удобная эта штука,— закидывал Валико удочку,— иметь на явке доктора: в качестве пациента ведь всякий может придти?

— Ну, я не хотела бы попасть ему в пациенты,— усмехнулась Катя.

— Да, ведь «хирург», — рассмеялся Вацлав.— Никогда не думал, что можно быть хирургом не только не кончив университета, но и едва ли видел, как делается операция. Ха-ха-ха. Я думаю, он с таким же успехом мог быть музыкантом.

— А как же он...— начал было Валико.

— Держится пока... в госпитале. Уйма смертных случаев. Как вы думаете, Катя, он ведь больше всех нас отправил на тот свет красных негодяев?

— Пожалуй, но у нас есть дела поважней: Костин обещал мне дать завтра свои Батумские явки, документы и деньги. Это будет нашим последним свиданием, как он сказал. И завтра же я его...

— Но, может быть, можно поручить это кому-нибудь другому,— перебил Вацлав.

— Нет. Это сделаю я сама,— с плотоядным смешком бросила Катя,— завтра, после передачи явок. Вы ведь приготовили квартиру.

У Костина шло совещание. В Казань были отправлены Сергей и Миша с поручением выловить фальшивого доктора.

Место свидания Катя с Костиным (одна из аллей Петровского парка) было оцеплено нарядами красноармейцев и Катя была задержана. В кармане был найден револьвер. В ту же ночь были взяты все участники организации и старому библиотекарю довелось еще раз встретиться с пленником.

Через несколько дней Сергеев ликвидировал из Казани об успешной ликвидации докторской явки.

Группа Эрбэ была разгромлена, а, полученное через некоторое время, радио из Трапезунда гласило:

«Взорвано белое судно „Русь“ горючими снарядами Врангеля тчк десанта задержан два месяца тчк Войтинский по моим оканьям и след Константинополь тчк Сомов Стрельбицкий тчк».

Андрей был проделана колоссальная работа совместно с Стрелетовым,— по подготовке взрыва этого судна.

Тем самым одна из главных нитей „Дела Эрбэ“, которая веда к организации десанта,— была также разорвана умелыми и смелисты действиями Андрея.

На одной из узких, извилистых улиц Трапезунда, граничащих с отвесным обрывом к морю, как ласточкин гнездо под карнизом, лепилась турецкая кофейня. На балконе сидело человек пять русских.

Молодые, загорелые лица дышали задором.

— Я все-таки думаю уломать Мухтарбея дать нам радио,— сказал один из них.

— Собственно и улаживать это тут нечего. Он больше для проформы тинет...

Друзья молча продолжали любоваться расстланными перед ними южным морем, залитым лучами полуденного солнца. Кто-то курил нериге, остальные потягивали из маленьких чашек крепкое кофе, записая его холодной, как лед, водой.

— Дай-ка сюда бинокль, Сергей. Что это за итальянский пароход на рейде.

Через минуту бинокль обошел пять пар зорких глаз.

— А чорт. Вездь и в самом деле это Войтинский.

— А слева—Угрюмов. Ишь, как поэтично на перила облокотился...

— Да их тут целая свора.

— Эвакуируются... Вся головка в шборе.

— Повидимому, Валико свое сделал, а с облегчением сказал Андрей, допивая кофе.

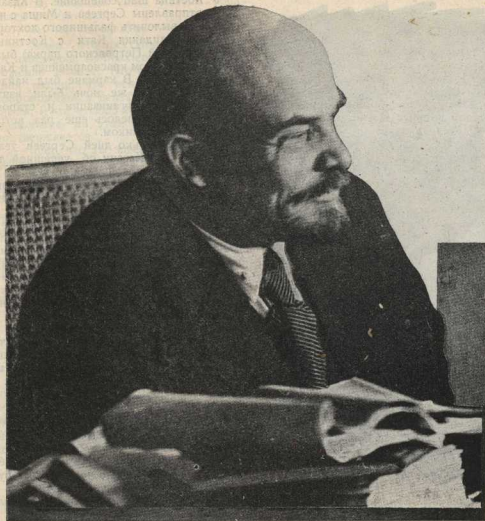
К о н е ц .

РЕДАКЦИЯ „СМЕНИ“ ВМЕСТЕ СО ВСЕМ КОМСОМОЛОМ СКОРБИТ О СМЕРТИ АКТИВНОГО КОМСОМОЛЬСКОГО РАБОТНИКА, СЕКРЕТАРЯ АСТРАХАНСКОГО ГУБКОМА РКСМ

Ильи Матусова,

скончавшегося в четверг 8 мая с. г.

вагонный стук, и в кармане у него — сердитый мандат на III всероссийский съезд РКСМ.

4 ОКТЯБРЯ 1920 Г.

(ИЛЬИЧ НА КОМСОМЛЬСКОМ СЪЕЗДЕ).

Воспоминания М. Зорко-Мунчи.

ВНЕДОЛГОЙ истории Комсомола эта дата — памятный рубеж. В этот день Ленин пришел на съезд союза и сказал свою единственную речь комсомольцам. Единственную, — но в ней все: куда идти и как идти.

Ночь на 1 октября. Харьковский вокзал и ночью неутомимо шумит людским разнотукчим месивом, крепко-накрепко пропущивает каждый шпелюк: доверху ли набиты теплушки, платформы, крышки.

На хлопком чавкающем перроне мекнет часами, раскидываясь все шире и шире, сторожкий и озлобленный лагерь ожидающих. Медленно подползает бесконечный товарный состав, уже на ходу обсыпая грозными шинелями. В свете тусклых фонарей — короткий штурм. Атака отбита. Армейцы и мешенчики прочно обосновались в поезде, еще тогда, когда он возник в неведомых тупиках, где-то на угрожаемых запасных путях, и успели набить его до отказа.

— Куда прешь, куда? Газ нет, не видишь: полно!

Весь в липком поту, с чувством утопающего, мечусь вдоль теплушек. У каждой барабанно яростной скороговорки:

— Мне в Москву на съезд! Делегат! У меня место в штабном, а штабной отцепили!

— Ну, и отцепись, коли отцепили! Знаю ваши съезды...

Конеч. Последний вагон. В отчаянии и изнеможении застываю на месте.

Два звонка. Оставшиеся на перроне бьются в агонию. Решаю: „застрял!“ — но в тот же миг кто-то хватает за рукав:

— Микита! Забыв свій вагон, дура голова!

Армак обдаёт кислым хлебным перегаром и тащит за собой в темную дыру теплушки:

— Ось він, чертяка, де...

Навстречу — грозные окрики, но сразу гаснут:

— Свои, свои — не спізнали?

С мрачной решимостью, цепляясь за чью-то доху и за приклад винтовки, карабкаюсь вверх и сразу ныряю в сторону, под пар, перебегаю через спящие тела и забиваюсь в угол.

Еще не верю счастью. Вытягиваюсь, блаженно чувствую под щекой смазкой сапог, а в нем, как в телеграфном столбе, откуда-то издалека гудит мерный хрип его обладателя.

— Микита! Та де же ты?

На два аршина влево мой озадаченный благодетель напрасно чиркает спичку за спичкой. Микита остался на сызкомном харьковском перроне, либо сулорожно виснет на буферах. А под парой сладко спит лже-Микита, вздрагивая под веселый

4-го в сумерки плюхнулся прямо из теплушки в дужу — Москва! Лихо выругался для солидности, размял кости и двинул через карболовые туннели вокзала (вниз — вверх, вверх — вниз) мимо несчетных проверок и продосмотров. Тряска, неожиданный субботник в Белгороде (по грузу дров), перестрелка с бандитами перед Курском — позади. Не опоздать бы на съезд. Скорее на площадь!

Извозчики, спесивые, как павлины — не для нашего брата. Сирывась, пожалулы, „для информации“ — о цене, изумленно кричаки и крой по думкам, по вечерней настороженной и голодной Москве, мимо мертвых, обглоданных и заколоченных домов.

На Остоженке в общекитине Наркомпроса огорошили сразу:

— Времени не терай, марш на съезд!

Мешок — бряк в угол, мокрые сапоги — к лещему, влезаю в чьи-то штблеты. В них и в древних галифе ни дать, ни взять — десерт.

В момент выпотрошил у всех карманы: хватило б на извозчика!

— На Малую Дмитровку!

Мерзкая кобыла еле перебирает ногами. Где-то далеко ухают одинокие выстрелы.

Топлю у дома, где и по сей день жужжит Свердловщина. С улицы видно — в зале стоят на окнах. Минуты достаточно, чтобы — в подъезд и выхрем по лестнице. Мандат наготове. В коридоре ни души. В дверь, в зал, где жарко, плотно и тихо и — стоп, как вкопанный: — Ленин!

Все люстры зала купались в этой сияющей льстине. Врезалось в память и доносет память до конца: на стене — огромный портрет, неживой и тускляк; а вон там, по сцене, ходит маленький, родной, искривляющийся, а главное — настоящий. Ходит, пригибаясь вперед, оставив нависающую, передергивая плечами...

Только через минуту до сознания донесся голос:

— Учиться коммунизму... А что такое учиться?

— Коммунизм... А коммунизм что такое?

Вот тут только и сказался трехсуточный голодный рейс, и вслед за напряжением прорвался, хлестнула в мозг усталость. Даже зашатался и сел на краешек стула (сосед отодвинулся, не обернувшись). Отдышался и опять дошли слова:

— Мы имели книги, где все было написано в лучшем виде... А чем были эти книги? Ложью, попусту, отвратительной ложью!

Встал и начал прокладывать путь к трибуне. Протискался к передним рядам. Сел почти у самых ног Ильича и ушел в поток неотесанных, почти серых фраз, рывками катившихся со сцены.

Эту речь теперь знает все. На ней еще будем много и много учиться — мы, и те, кто прядет по нашим следам. Но тогда она была неожиданной и совсем, совсем не такой, какую ожидали.

— Нам что нужно?— швырял Ильич.— Нужно развить и усовершенствовать память каждого обучающегося знаниями его основных фактов...

Убеждаю. Назойливую мысль о ней неустойно гнали прочь в дозорах, в казармах, на субботниках, в прокуренных логгах комитов. И разве плохо, что гнали!.

Зал комитов напряженно, но нелегко, и стояло в глазах сомнение: к делу ли говорит старик? Еще сегодня — вчера мы из тревожных, голодных, бессонных губерний, где каждый неразлучен с наганом, где залетную птаху-газету не успеваешь распахнуть на столе... Вчера еще каждый из этого зала трясся в вонючей теплушке или пробрался по гудам тифозных тел на вокзалах с одной несладкой и твердой думой: «Врангель». А тут:

— Все суму человеческих знаний вы должны критически проработать, усвоить...

Хорошо бы дотраться до такой задачи! Да приспела ли она? Неудоменно и опасно конушу на соседях. Один, совсем молодой рабочий парняга, пухорылый, приложил руку к уху, тянет—не проронит бы какого ни на есть картавого словца. Другой скептически шеплет бровями и что-то быстро строчит в блок-нот: миг — и записочка трубочкой перелетает в президиум. Шацкий лениво перебрасывает ее к Ильичу.

Оглядывая зал. Озадачен, видно, не я один. Слишком круг перевал от того, чем каждый дышал час назад, чем дышит вся развороченная страна за окнами этого зала—к этой упрямой и непривычной речи.

Не одолеть крутизны! А! изнутри все же подмывает радость: «а ведь впрямь видишь и слышишь Ленина!»

Никак не свыкнешься с этой мыслью! И снова переводишь глаза с живного любимого Ильича на огромный тусклый портрет.

А живой вдруг, на каком-то невзрачном словце оборвал, вытер, люб и сел.

Кажется, устно вопросов не задавали. Помню, как Шацкий что-то говорил, обращаясь к съезду, но глядя на Ильича, а тот, копясь в записках, подымал голову и утвердительно кивал его, а потом засмеялся. Тогда Шацкий торжественно возгласил:

— Слово для ответов на вопросы принадлежит товарищу Владимиру Ильичу Ленину.

Где-нибудь должна была быть сохраниться стенограмма этих ответов. Ей давно пора стать достоянием Союза. Их было больше десятка — недоумеваящих, резких, трогательных и даже полунасмешливых.

Ильич каждую из записок оглашал, на иные тут же отвечал немногими словами и брал другую. Иную калал, маленькими шапками выходял вперед и подробно задавая ответ, повторяя последнюю фразу дважды. Некоторые он, прочитав, откладывал, заявляя немного нараспев:

— На это отвечал...

— Уже сказал...

За упавшими на пол записками Ильич пошел под трибуну, долго там возился.

Зал зашелестел, закашлял. Президиум задвигал стульями. Шацкий и еще кто-то полезли помогать, и наконец, извелили исюске.

Из вопросов, помню, о деревне, об интеллигенции («с ней поосторожнее» — сказал Ильич), о продрозверстке, много о фронтах, несколько — о революции на Западе. И, кажется, из одного из убеждений. На одном вопросе Ильич запнулся:

— Что правильнее—Р. К. С. М., или Р. С. К. М?

Ильич медленно расширялся: «Это значит: Российский Коммунистический Союз Молодежи, или — Российский? Ну, да, Российский Союз Коммунистический... Ну, и что?»

Вопросительно посмотрел на зал и вдруг почти раздраженно заявил:

— Не вижу никакой разницы!

Зал грянул дружным хохотом. Теперь ясно: Ильич наших дел не знает. В течение всех пред'ездовских недель сибилались мечами и ломали копыя: КСМ? СКМ? Душеващина! Герберециализм! И вдруг этаким афронтом... И любовно глядя на Ильича, извнягия его неосведомленности, ребята весело аплодировали.

Шацкий ошесточено дребезжал звонком, что-то кричал ксуде шум Ильичу: тот, кажется, улыбался. Но когда смел стих, он опять почти сердито заявил, что дело не в имени, а в работе. Потом на бумажную горку легла последняя записка. Ильич сгреб всю кучку в карман, ласково посмотрел на зал и сказал:

— Вот и все.

Зал встал и пел Интернационал, не сводя глаз с Ильича, успешного обличителя, в шубу и тоже шведившего губами.

Хотел посмотреть, как Ильич выйдет — да чувствую: скало бока, подхватили и несет в боковую дверь. В последний разок мелькнул родной любимый лоб — Ленин спускался с трибуны.

С Дмитрички — толпами на Садовую к Третьему Дому Советов. Скользко-б миль ни отмахал вперед наш Союз,—не след забывать Третий Дом — заветную обитель съездовских делегатов! Каждый год (а то и дважды в год) под сводами бывшей Духовной Семинарии бурлит Комсомол. Привет тебе, Третий Дом, arena ночных совещаний, петушиных боев до хрипоты и до рассвета, незлобных дебошей; кулець и могила всех Ц. К.; релакция ярого, Подзатыльника*) и родина самого слова «Комсомол». Сюда перед каждым съездом уверенно сползались с сельных вокзалов; отсюда после съездов с рыком развозят делегатов по восьми вокзалам грузовики.

С улицы принесли в Третий Дом галдеж и залили им дом до краев; курили у плаката «Курить воспрещается»; в столовой истою обсыпали воблу и пательной терзази желанные теплые ломти кислого хлеба. Наперебой рассказывали о местах и изысканно, с чувством ругали Ц. К. Потом разбрелись по огромным и плотно уставленным кроватями палатам. С неожиданной степенностью раздевались, старательно залызывали козьи ножки, и теперь только всерьез и вплотную заговорили о докладе Ильича.

— Как бы тебе сказать это,—морщина сосед, с устелем подыскивая слово,—это, конечно, то что надо... Да рано это... Ну, этак годиков через пять — в самый бы раз...

Из-под другого соседнего одеяла вынырнула голова — задорно и укоризненно:

— А тебе что — скорую помощь надо? Что-б действительно в день выдать? На то он и Ленин, чтобы на годы сказать!

Каемся, немногие из нас тогда поняли: Ильич «сказал на годы» и десятилетия. Президиум съезда умолял Ильича сделать доклад о «текущем моменте». Ильич готовил доклад о задачах союза и от «момента» натрещ отказался. Еще предстояли Перекон, Кроунштадт и много другое отступление к нулю. Ильич не терпеливо перемахнул эти ступеньки, и как хорошо сделал, что перемахнул! Еще одна Ленинская речь о фронтах и разверстке? Разумеется, и она была бы для нас драгоценным наследством. Но доклад Ильича на III Съезде — нечто неизмеримо большее: это завещание поколению, которое вырастет ленинским.

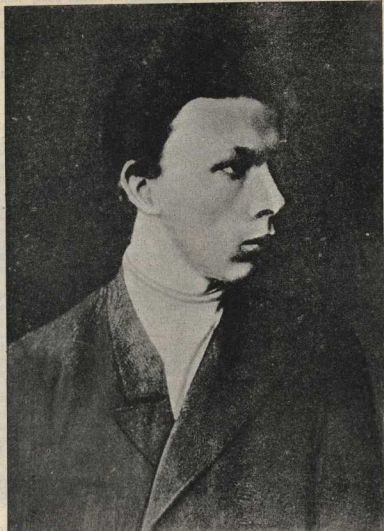
Прошли годы, и самый злой, 1924, взял у нас Ильича. Но только теперь мы учимся читать скупые слова этого завещания. В июле Третий Дом Советов переполнился делегатами на наш VI съезд. Этот съезд, ласт Союзу имя «Ленинский». Но программа работ Ленинского Комсомола писать не приходится: и эту задачу предсметел он сам, родной и великий, и сам ее передал нам, эту программу, в памятный вечер 4 октября.

*) Сатирический журнал, выпускавшийся во время съездов РКСМ.

ЮНОШЕСКИЕ

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

А. И. Ульянов, казненный в 1887 г. за покушение на Александра III.

Первое знакомство.—Гимназист третьего класса.—Будущий присяжный поверенный.—Революционный борец.—Или все, или ничего*.—В Бутовской тюрьме.—За границей.—В Москве.—«Он живет в сердцах наших».

Встреча.

МОЕ ПЕРВОЕ знакомство с Ильичем, если мне память не изменит, произошло в начале июня 1883 года в местности, называемой «Гончаровский Обрыв» (предместье Симбирска).

Как бежавший с каторги, следовательно, нелегальный, я был организацией снабжен документами, как хорошо теперь помню, на имя Владимира Николаевича Едрихинского, агента торговой фирмы «Гадалов» в Сибиря.

Мне необходимо было попасть в Питер.

Из Перми до Богородска (пристань на левом берегу Волги, при впадении в нее Камы) я добрался на пароходе. От Богородска до имения «Княти», Бунинского уезда, Симбирской губ., где в это время находился один из видных членов нашей боевой дружины т. Георгий, я добрался на лошади.

Именно «Княти» принадлежало видному помещику Теренину, у которого т. Георгий, вечный студент Московского университета, был репетитором до детского.

Пред'явив т. Георгию «явку», я предложил его дать мне возможность дней 10—15 отдохнуть у него.
— К сожалению, товарищ, этого не могу вам предоставить—был ответ.— Бунинский исправник, кажется, взял меня на приезд: почти каждый день бывает здесь (Княти в 5 верстах от г. Буинска) и я сам думаю на днях навести лыжи.

Такой ответ меня прямо огоршил. Измученный физически и нравственно, я положительно нуждался в отдыхе, да и финансы мои были в самом плачевном состоянии—ни рубля в кармане.

Я открыто высказал это т. Георгию. Он сначала задумался, но через минуту—две улыбнулся.

— Вы ничего не имеете против того, чтобы местом отдыха избрать Симбирск,—обратился он ко мне. И на мой утвердительный ответ он объяснил, что в Симбирске у него имеется юный друг, «наш», отдохнуть, но и снабдит меня нужными средствами.

Лучшего и ожидать было нельзя, и вот через 3—4 часа я, снабженный письмом, целым кулком провизии, уже трясся на чуванской телеге по направлению к Симбирску. Часов в 7 утра мы вехали в Симбирск. Проехав весь город, мы стали спускаться к роще на берегу Волги, среди которой возвышались какие-то постройки. В самой роще навстречу нам попался

худенький гимназист лет 12—13 с удочкой за плечами.

На мой вопрос: не знает ли он дачу Ульяновы и его сына Александра Ильича, он ничего не ответил, а, сложив руки рупором, крикнул: Саша.

И через минуту оказался в синей косоворотке высочайшей молодой человек с ружьем за плечами.

Оказалось, что этот молодой человек и был никто иной, как Александр Ульянов. Отрекомендовавшись, я передал ему письмо т. Георгия.

Быстро прочитав его, он радушно пригласил меня следовать за собой, а чувствуя велея ехать за нами.

Гимназист тоже пошел с нами. Около полудня мы пришли идти до усадьбы и всю дорогу Александр расспрашивал меня о партии¹⁾ и житье-бытье моем в далекой Сибири.

Когда мы подошли к какому-то флигелю, стоящему как-то боком к главному дому, Александр, указывая на него, сказал:

— Вот где обитаю я и где вы можете жить сколько вам заблагорассудится. Он ввел меня во флигель, в котором было 3 небольших комнаты с самой спартанской, т. е. простой обстановкой.

А ты чего здесь,—обратился он к гимназисту.

— Да потому, что пришел вместе с тобой,—был ответ.

— Каким поросенок,—весело воскликнул Александр и потом, обратясь ко мне с серьезной миной, проговорил:

— Рекомендую, мой брат Владимир Ильич, будущий присяжный поверенный, а в настоящее время только гимназист 3-го класса мужской классической гимназии.

Будущий присяжный поверенный самым серьезным образом расширкался предо мной и крепко пожал мне руку, укоризненно заметив брату:

— Кем я буду, я не знаю, но знаю, что ты бьешь бакалуша и ничем путным не будешь,—и, поклонившись мне, вышел из комнаты. Вид его и тон его были настолько комично важными, что мы несколько оба расхохотались.

Прожил я у Ульяновых в 7—10 дней, а почти месяц и вместе с Александром поехали в Питер.

Месяц, проведенный мною в семье Ульяновых, жив до сих пор в моей памяти. Оказалось, что Александр около года состоял в нашей террористической группе. До фанатизма преданный революционному делу, он всего себя отдавал ему. Целыми днями, а часто и ночами выработывали способы борьбы с реакцией.

Частенько во время наших разговоров приходил Володя, молча садился на койку брата и, не проронив ни одного слова, слушал нас. В первое время я несколько замолчал, но Александр, любовно глядя на брата, говорил:

— Можете свободно говорить при нем. То, что он услышит, он никому не скажет. Это природный конспиратор.

¹⁾ Земля и Воля—народноволевская организация. *Ред.*

ГОДЫ ЛЕНИНА.

СТАРОГО КОММУНАРА.

И действительно, он поражал меня своей не по летам серьезностью и вдумчивостью. Часто, когда я был один, он приходил ко мне и начинал расспрашивать о каторге и каторжанях. Его более интересовали политические каторжаны, их жизни, их нравственные переживания. Я помню хорошо раз высказанную мысль. Как-то раз я заговорил с ним относительно свободы мнений и убеждений. Долго говорили на эту тему. Он как-то вдумчиво молчал, а потом вдруг спросил:

— Скажите, если папа любит полбенную кашу, а я ее не выношу, неужто я потому являюсь преступником.

— Ни в коем случае.

Так почему же те, кто несогласны с правительством, являются преступниками и их ссылают в каторгу и даже вешают, как повесили некоторых из декабристов?

И неоднократно он задавал такие вопросы, которые ясно показывали на недетскую работу его мозга.

Уезжая, мы с Володией расстались друзьями и он обещал через Сашу писать мне.

Как помнится, до ноября 1883 г. я получал от него два или три письма.

2-ая ВСТРЕЧА.

ВТОРАЯ ВСТРЕЧА с Ильичем произошла осенью 1889 г.

В процессе Александра Ульянова я был приговорен к повешению, которое было заменено вечной каторгой.

С каторги мне удалось бежать.

И вот осенью 1889 г. я добрался до Казани. Конспиративка наша была, как сейчас помню, на Поповой горе, в доме Заставра, в квартире профессора Осипова.

Первым делом я явился туда, предъявив явку, запасе необходимых документов и поселился в том же доме.

Дня через 3—4 после моего прибытия в Казань, было назначено собрание товарищей. Сбор был назначен в русской Швейцарии (проца вверх по реке Казанке за Арским полем).

Я отправился туда вместе с т. Петром (убитым белыми в Самаре в 19 г.).

Когда мы пришли на назначенное место, там уже было человек 12—15.

Я разговаривал с одним из товарищей, вдруг слышу:

— Дядя Владимир, вы ли это?

Оборачиваюсь и вижу юношу лет 20-ти, небольшого роста, протягивающего мне обе руки.

Что-то знакомое было в юноше, но сразу не вспомнил.

— Помните «Гончаров Обрыв», — улыбаясь, напомнил юноша.

— Володя, вы, — воскликнула я и крепко пожал его руки.

Это был Володя Ульянов.

Я прожил в Казани только 2 суток после собрания, и в это время буквально ни на минуту не расставался с Володией.

Из мальчика—ребенка он стал юношей, но какими!

Это был вполне сформированный революционный борец с точно намеченными целями в жизни и с вполне окрепшими политическими взглядами. Это был

Владимир Ильич Ленин в 1887 г. (студенческие годы).

истинный марксист. Не русский марксист-посемидесятник, а самый настоящий. Ни на какие компромиссы, ни на какие соглашения с буржуазией он и тогда не шел. «Или все, или ничего», как он тогда и говорил. Террористические актов он не признавал.— «Гражданская война — это дело иного рода, но террористические акты — недопустимы», говорил он и добавлял: «И без этого в руках трудящихся есть страшное оружие в борьбе с буржуазией, — это забастовка, но забастовка организованная, планомерная. И наша задача теперь сводится лишь к одному: организовать трудящихся, разбудить в них классовое сознание.

Формулировка положений, доводы и аргументация его были так ясны, так положительны, что не согласиться с ними было невозможно.

Должен сознаться, что у меня, старого боевика-террориста, после двухдневного обмена мнений с Ильичем в 1889 г., взгляды на политическую борьбу порядком так изменились и я могу, положа руки, сказать, что мой переход из народо-вольцев в РСДРП произошел только благодаря Ильичу.

3-ая ВСТРЕЧА.

ТРЕТЬЯ ВСТРЕЧА произошла, помнится, в 1891 г. в Бутырках, в Москве.

Арестованный в имени Ф. И. Родичева, в Весьегонском уезде Тверской

губ., я этапом через Рыбинск и Москву направлялся в Питер.

Наш этап был введен в ворота Бутырок, а в это время из Бутырок отправлялся этап в Сибирь.

Среди отправляемых я увидел Ильича, он также увидел меня, но перемолвиться — хотя бы одним словом, не удалось.

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

В России до революции 17 г. я уже с ним не виделся. За границей же до 1908 г. (в Германии и в Швейцарии) я виделся сравнительно часто, в особенности в 1900 г., когда он совместно с Потресовым и Мартовым основал газету «Искра», где пришлось работать и мне.

ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИИ.

Последний раз я виделся с ним в феврале 1921 г. в Москве.

Прошлогодняя болезнь его заставила больно сжаться сердце.

Последние же годы жизни о его здоровье заставили миллионы сердец биться радостной надеждой.

Ильич поправляется, Ильич будет с нами, он поведет нас к желаемой цели — вот что проносилось среди трудящихся всего мира.

И вдруг! Нет Ильича! Он умер!

Не может этого быть — Ильич не умер — он не может умереть. Он живет в нас, в сердцах наших.

МИХАИЛ ЗАВОДСКОЙ.

очерк С. ЛИВШИЦА, иллюстрации ПО МАТЕРИАЛАМ ИСПАРТА.

МИХАИЛ Заводской — под таким именем знали партии Екатеринослава, Самары, Казани, Урала, Москвы и многих — многих других углов России здорового молодого рабочего, черноволосого, с длинной, откинутой назад, шелестящей с выразительным, вдохновенным лицом. Знали, что он видный партийный работник, „профессиональный революционер“, видели его кипучую работу, восторгались его пламенными речами на собраниях, но почти никто не знал его настоящего имени.

Редакционный комитетчик пользовался такой популярностью в широких рабочих массах, как этот юноша, кристально-чистый, знавший „одной лишь думы власть“ — борьбу за освобождение пролетариата, и в первую очередь — беспощадную борьбу с хищным двухглавым орлом — самодержавием.

Костяк от кости рабочего класса, „потомственный почетный пролетарий“, этот слесарь, обладавший солидным теоретическим багажом, серьезно интересовавшийся, между прочим, философией, был предназначен для роли рабочего вождя. Но преследования царского правительства сломили его могучий организм. Преждевременная смерть вырвала „Михаила“ из рядов большевистской партии и не дала ему возможности вполне вернуться; а между тем, доживи он до победоносного октября, мы безусловно увидели бы его среди вождей социалистической революции...

I. ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО С СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЕЙ.

(Калуга, Киев).

Никифор Ефремович Виловов родился в 1883 г. Он вышел из грузовой семьи. отец его Ефрем Сергеевич, происходивший из крестьян, работал в качестве мастера в калужских железнодорожных мастерских. Сына Ефрем Сергеевич отдал в калужское техническое железнодорожное училище.

В начале 900-х годов молодой техник Виловов впервые соприкасается с революционным подпольем. Учитель высшей железнодорожной школы, С. М. Пшеняй-Северин, имевший большие связи в местном революционном мире, первый открыл Никифору глаза на вопиющие контрасты

Списано Отделом Киевской Городской Полиции. 190 г. дия.

ИЗМЕРИТЕЛЬНЫЙ СВДВНІЯ №

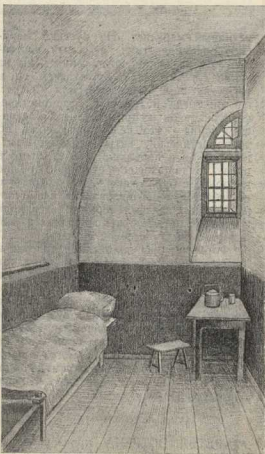
Рост в	Глаза	Скулы	Нос	Особые приметы
Дл. рук в	Шир.	Сред. вкл.	Был.	
Рост сидя	Длина	Висота	Шир. рта	XVII / 9.
Ш. губ	Шир.	Длина языка	Шир. языка	
			Линия от 190 г.	

Здесь напечатана фотографическая картачка в том же самом альбоме, в котором находится эта картачка.

Самодельный реп. карандашом.

Волосы	Горло	Носогр.
Цвет лица	Усы	
Имя <i>Никифор</i>	Фамилия <i>Виловов</i>	
Отчество <i>Ефремович</i>	Родина	Вид работы
	Вид работы	Сред. школа
		Училище
		Сред. школа
		Сред. школа

Личная картачка Михаила Заводского, находившаяся в делах Киевского жандармского управления.

Одиночная камера Николаевской тюрьмы, в которой содержался М. Заводской в 1903 г. (Рисунок сделан одним анархистом, занимавшим камеру после него).

современности. И в груди юности зажгло пламенное желание борьбы с капиталистическим строем, с паризмом, стоящим на страже интересов помещиков и капиталистов.

Функционировал тогда в алуге социал-демократический кружок, который издавал и колоури машин, вел пропаганду среди рабочих. Будучи приятелем рабочего социал-демократа И. К. Никитина, Никифор принял деятельное участие в некоторых предпринятых с.д. кружка, хотя официально членом организации не является.

Но вот участие окончено. Виловов отнюдь не прельщала перспектива прозябания в Калузе, всегда являвшейся захолустьем в революционном отношении. Потянуло на простор, в большой рабочий центр, где

революционная работа бурлит и ширится, все больше и больше массы пролетариата подчиняются своему влиянию... И весной 1902 г. вскоре после 1 мая, отправился Никифор, вместе с двумя товарищами с.д. (И. К. Никитиным и пропагандисткой Е. Э. Рерих) в Киев. Поступил он помощником монтера в железнодорожные мастерские. Вскоре исполнилось заветное желание Никифора: он вступает в ряды Киевской социал-демократической организации. С этого момента и до его последнего вздоха личная жизнь Никифора отошла на задний план, и он весь, всеми своими помыслами отдался делу революции.

Российская социал-демократическая рабочая партия в то время начинала превращаться из небольших зародышевых ячеек в организованную партию российского пролетариата. Энергичные работники, люди большой инициативы и широкого политического размаха нужны были партии до зарезу. И одним из таких работников является 19-летний Виловов.

С несокружимой энергией, с пламенным энтузиазмом полного сил борца отдается он пролетарскому делу. Он на первых же шагах своей революционной деятельности обнаруживает колоссальные способности и недоуменный политический талант. Будучи сам рабочим, работая в железнодорожных мастерских, он успевает быть в рабочих кружках, заниматься организаторскими делами и много работать над своим собственным образова-

213

В 48 л. от ети Кумбо Мерисеаб и. г. морсодутес Нилон
 Исправ. Арестанта. Стыдливый, в нас отбивавош надолго
 приуродившие к робам преступника. Савбывавош сии на то
 поименно зреть. Судебный и управитель процесси, в аз савб
 вав. саводуте и винуемии арестантом страссе перде едени
 мстрагий. Стыдливыйе рат от прокурорского мау-
 дора содрат огни биогитеритини пошы дин прокурорско,
 рат ир саводуте итис вавош каасгоду му понав в саву сгоду

Страница из темного дневника М. Заводской (Николаевская тюрьма 1905 год).

ним. Правда, для этого часто приходится потихоньку оставлять мастерские и незамысленно перелезть через забор*.

Его популярность и влияние беспрерывно растут среди рабочих. Выдающийся по своим способностям, влиянию и мощи своей фигуры, — Виловон не может долго оставаться незамеченным для охранников*).

Цепкие шпательные «голубых мундиров» добираются и до него. В результате — привлечен к дознанию о «противозаконной ссуде» представителей рабочих кружков в г. Киселев* и выслан до окончания дознания — в Екатеринбург под особый надзор полиции.

II. В ЕКАТЕРИНОСЛАВЕ.—ВСЕОБЩАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЗАБАТОВКА.

Маху дали жандармы — нашли куда выслать «политического преступника»! В крупнейшей рабочей цехе, в котором никогда, даже в самые черные годы реакции, не потухал огонек революционной борьбы... Ну, да ведь, как говорится, и в старуху бывает проруха. Нечего и говорить, что Виловон не сидел, сложа руки.

Были тогда в Екатеринославе две социал-демократические организации: «экономистская»¹⁾ и «искровская». Виловон решительно примкнул к «искровцам» и стал одним из наиболее сильных активных работников «искровской» организации, войдя впоследствии в состав Екатеринбургского Комитета РС. ДРП («искровского»). В Екатеринославе после его революционной деятельности расширяется. Здесь его застал первый грандиозный подъем рабочего движения, охватившего в 1903 г. весь юг России. Рабочий класс России уже не удовлетворяется борьбой против хозяев, экономической борьбой, — он бросает вызов самодержавию. Всеобщая политическая стачка, митинги, демонстрации...

1) «Социалдемократ» № 14, 1910 г.

2) «Экономическая» называлась оппортунистическое течение в Р. С. Д. Р. партии, утверждавшее, что рабочий класс должен вести только экономическую борьбу с капиталистами, а борьбу за политическую свободу предоставить либеральной буржуазии.

3) Группировка возникла же вокруг газеты «Искра» социал-демократы (по главе с Лениным и Плехановым) выставляли на первый план необходимость для пролетариата бороться за демократическую революцию и выступать в решительной борьбе с партизом. Они получили название «искровцев».

Докапталась волна движения и до Екатеринбургослава. В конце июля местные социал-демократы стали лихорадочно готовиться к всеобщей забатовке. Создается стачечный комитет, в который входят по 3 представителя от «искровцев» и «экономистов»; одним из представителей является наш старый знакомый «Михаил Заводской» (под такой кличкой знали Виловона в Екатеринбургославе, и кличку эту он оставил за собою на всю жизнь).

Рабочие ждали директив социал-демократического комитета. Наконец, сигнал был дан... Забатовка началась 7 августа тревожным гудком в паровозных мастерских. В несколько часов забатовка распространялась по всему городу, работники только в предместьях (Амуре, Нижне-Днепровске), но на следующий день и там начались забатовки. Это было первое массовое всеобщее выступление рабочих Екатеринбургослава. Широкие массы высыпают с заводов, и начались огромные митинги, на которых часто присутствовало свыше 5-ти тысяч человек. Движение вышло на улицу... Десятки тысяч народу толпами ходили по улицам рабочих районов.

Власти лезли из кожи, чтобы подавить движение. В город прибыла войска и казаки. В первый же день забатовки по одному собрано было открыта стрельба: убит 11 человек и около 20-ти ранено. Гибель товарищей вызвала взрыв негодования в рабочей среде. Правительство террор имел обратные результаты: забатовка не только не дрогнула, а, наоборот, окрепла, и трудно было назвать в городе какое нибудь промышленное заведение, которое не принимало-б участие в ней.

В ответ на стрельбу в рабочих состоялись внушительная демонстрация; декламаторов избивали нагайками и прикладами. После демонстрации начались много численные аресты.

Забатовка носила в основном чисто политический характер. Основным ее общим лозунгом было: «Долой самодержавие!» Экономические требования были выставлены дополнительно. Проходила забатовка удивительно организованно, не было никаких эксцессов.

На 4-ый день забатовка начала спадать; рабочие постепенно становились к работе. Поэтому стачечный комитет ре-

шил забатовку прекратить, выпустив об этом специальный листок.

В проведении забатовки «Михаил Заводской» играл крупную роль. В эти дни он был везде. Мы уже говорили, что он входил в состав стачечного комитета. С огромным успехом выступает он на рабочих собраниях. Во время демонстрации его жестоко избивают нагайками. Когда начались аресты, «Михаил Заводской» оказался за решеткой: как подзащитный, он все время находился в поле зрения полиции и теперь был арестован, как «вредный элемент». После забатовки его выпустили, и «Михаил Заводской» стал собирать жатву, которая была поведена во время забатовки. Жатва стала приносить все новых и новых членов «искровской» организации. В рядах «экономистов» определилось настроение в пользу перехода к политической борьбе; «Михаил» ушел это настроение и убедил вождей «экономистов» в необходимости для «экономистской» организации влиться в ряды «искровцев»; хотя эти переговоры велись без ведома Ектерини. Комитета Р. С. Д. Р. П., но — победителя не судят.

Когда Екатеринбургский С. Д. Комитет узнал о результате II съезда партии, он присоединился к большевикам. Стал большевиком и «Михаил Заводской», и он остался таковым всю свою жизнь.

Осенью 1903 г. последовал приговор по киевскому делу: Виловон подлежал выссылке административным порядком в Восточную Сибирь на 3 года под гласный надзор полиции. Получившему было разрешение переехать на жительство в Ростов-на-Дону. Виловону совсем не улабалась такая перспектива, и 13 ноября он скрылся с полицейского горизонта. Но в конце того же 1903 года он был арестован и после 7 месяцев тюремного заключения оказался в далекой Енисейской губернии...

III. «МИХАИЛ» — «ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ РЕВОЛЮЦИОНЕР».—В КАЗАНИ.

В ссылке Виловон пробыл очень недолго, и уже 15 июля 1904 г. он бежит из ссылки (из дер. Бушуйской, Енисейского уезда), переодесшись чедаком, и вилать переплывает Енисей. С этих пор для «Михаила Заводского» начинается жизнь нелегального, профессионального революционера*, со всеми связанными с ней лишениями и скитаниями.

1-ое МАЯ в

Фотографии совб. корр. С. ЛА...

МАЙСКОЕ НАСТРОЕНИЕ У ВСЕХ ПИТЕРЬХ: пионеры Красно-Пресненского района на автомобиле.

С КРЫШИ 2-го ДОМА РВСР: рабочие оглашают Лобное место на Красной Площади.

ИЛЬИЧ ВЕЧНО БУДЕТ ЖИТЬ В РАБОЧИХ СЕРЦАХ. Работники завода имени Ильича.

ВСЕГДА ГОТОВ! Пионер Красной Пресни.

СМЕНА— СМЕНИ: Марширующие колонны пионеров на Красной площади.

Справа. МОГИЛА ИЛЬИЧА РЕВОЛЮЦИИ: вид из мавзолея Ильича.

Слева. ПЛОЩАДЬ РЕВОЛЮЦИИ: вид из мавзолея Ильича. Праздник революции. Вид на мавзолей Ильича.

А В МОСКВЕ.

ни собств. корр. С. ЛАСС и КРАСИНСКОГО.

ОЧИХ СЕРДЦАХ. Рабочие районы со склоченными знаменами проходят мимо мавзолея Ильича.

ВСЕРОССИЙСКИЙ СТАРОСТА НА ТРИБУНЕ: М. И. Каланин приветствует колонны рабочих.

ВПЕРЕД ОРГАНИЗОВАННЫМИ РЯДАМИ! Общия вид демонстрации.

МОГИЛА ИЛЬИЧА — КОЛЫБЕЛЬ РЕВОЛЮЦИИ: вид на мавзолея с Кремлевской стены.

ЗАВЕТЫ ИЛЬИЧА МЫ НЕ ЗАБУДЕМ! Певцы на Красной площади слагают гимн могиле Ильича.

„МЫ — МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“: Комсомолка из перемышской процессии.

ПЛОЩАДЬ РЕВОЛЮЦИИ В ДНИ РЕВОЛЮЦИИ: Косначи Площадь вечером 1-го мая.

„Профессиональный революционер“... Как то дико звучит для уха непосвященного это термин, а между тем он вполне заслужил права гражданства. Революционное подполье выработало особый тип партийного работника. Такой человек уже не рабочий, не интеллигент, не служащий: его профессия—революция. Он—агитатор, пропагандист, ответственный организатор, боевик или еще что-нибудь в таком роде. Живет он на партийные средства и занят только партийной работой. А так как партийные организации то и дело сидят без гроша, то нашему „профессионалу“ частенько приходится поугре перетягивать живот. „Ну, не беда,—думает „профессионал“—бывает и похуже“. И еще глубже втягивается в работу. Далеко не всегда имеет он и пристанище для ночлега. Живет „профессионал“ и еле-еле, но, по чужому или фальшивому паспорту, знают его товарищи только по кличке: иначе нельзя, а то жандармы живо сдадут. Арестуют его, вышлют в места „стой и не стой отдаленные“, а через несколько месяцев он орудует в противоположном конце России уже под другой фамилией. Ищи ветра в поле! Вот таким-то „профессионалом“ стал наш „Михаил Заводской“.

Вилонв приезжает в Самару, где тогда находилось Восточное Бюро Центрального Комитета Р. Д.-С. П., руководившее партийной работой Поволжья и Урала. Восточное Бюро командировало Вилонва в Казань, где с-д работа, после целого ряда провалов, в это время замерла.

Казань произвела на „Михаила Заводского“ тяжелое впечатление: он, окончивший в мочугу и млу рабочего движения на юге, застал здесь, тишь да гладь, да божею благодать“. Скорее за работу! Деятельный организатор, „Михаил“ отыскивает среди соц.-дем. интеллигенции нескольких активных работников, и вскоре создается Казанский Комитет Р. Д.-С. П. (В. В. Аларатский, Л. В. Попов, Н. И. Дамеров и „Михаил“), в котором „Михаил“ играет первую скрипку, взяв на себя функции агитатора и ответственного организатора. „Михаил“ был незаурядной, можно сказать—выдающейся личностью. „Простой рабочий, он был политически более зрелым, чем мы—студенты или окончившие университет“—говорит В. В. Аларатский.—„Он нас научил всему. Как ни странно может быть, я, кончивший в то время университет, многому от него научился. Этот человек был с необычайной энергией. Один из моих товарищей называл довольно метко „Михаила“, „печкой“, потому что это был человек, действительно, страшно горячий“.

Осенью 1904 года стоячее болото казанской жизни всколыхнулось под влиянием знаменитой правительственной „зесны“ Святополка-Мирского, и соц.дем. организация окрепла, все шире и шире разворачивая свою работу.

К этому времени Вилонв обнаруживает изумительную работоспособность во всех областях партийной деятельности. Он часто говорил: „каждый революционер должен быть энциклопедистом“.

И „Михаил“ был таким „энциклопедистом“ революционером: он выступал на дискуссиях с профессорами в университете перед огромной студенческой

аудиторией; устраивает вечеринки, на которых читает рефераты, полемизируя с эс-эрами, беспощадно бичуя пустословие либералов и призывая к революционной борьбе под знаменем соц.-демократии; ведет работу среди рабочих самого крупного в Казани завода—Алафузовского, организует кружки, читает в них лекции (напр., в кружке высшего типа, состоявшем из студентов и курсисток, в „Соединенной группе учащихся средне-учебных заведений“); составляет прокламации и листки и сам по ночам печатает их на текстографе. В сентябре 1904 г. он, в качестве представителя от Казани, присутствует на состоявшейся в Самаре небольшой конференции привольских комитетов Р. Д.-С. П. При содействии „Михаила“ в Казани впервые организуется соц.-дем. подпольная типография, начавшая функционировать в ноябре.

Желая внести оживление в среду студенчества и толкнуть его на революционную борьбу, Казанский комитет Р. Д.-С. П.—по инициативе Заводского—решает устроить студенческую демонстрацию в день 5 ноября—столетнюю годовщину Казанского университета.

5 ноября, в час дня, речью проф. М. Я. Капустина „Образование и здоровье“ открылся торжественный годичный акт. Актовый зал университета был битком набит приглашенной публикой и студентами. Последние абсолютно не интересовались скучной речью профессора, и все время среди разбрасывались, в виде листков и шариков, прокламации Каз. К-та Р. Д.-С. П. „К столетию Казанского Ун-та“.

Около 2-х часов, когда Капустин оканчивая свою речь, в собравшуюся публику клином врезался из двери кучка студентов социал-демократов, и оттуда раздавался громкий возглас:

— Довольно! Не это нам надо! Долой самодержавие! Идем на улицу и там предъявим наши требования.

Эффект был поразительный. Университетские педеля (чины инспекции) бросились к выступившему с-д. оратору

Один из ранних портретов М. Заводского.

(студ. Т. А. Третьякову), но кучка студентов стала на стулья и заслонила оратора, а из противоположного угла стал говорить на ту же тему другой студент с-д. (А. Г. Бельский). Потом заговорил сразу несколько ораторов, и среди невообразимого шума слышались отдельные возгласы: „Долой самодержавие!“.

Присутствовавшие на акте „почетные гости“ (в том числе и местный архиепископ) поспешили в панике ретироваться. Ректор объявил о перерыве акта и потребовал, чтобы суденты очистили актовый зал, но крики и шум продолжались еще добрых 10 минут. Потом толпа перекочевала в вестибюль.

Собравшаяся на крыльце университета, более решительно настроенная группа студентов человек 30 (в том числе перерыва в студенческую форму „Михаил Заводской“ и молодой рабочий Петр Жеребин) запела „Рабочую маршальскую“ и на требование полицмейстера прекратить пение и разойтись—отпечала криками:

— Долой полицию! Вон отсюда! Товарищам, идем на улицу, к театру!

Некоторое время, однако, никто не решился сойти с крыльца. Тогда „Михаил“ дрожащими руками выхватил из пазухи красное знамя с надписью: „Долой самодержавие, да здравствует социализм“ и прикрикнул его к появившемуся в руках Жеребина древку. Бледное, как смерть, лицо его было влохотно, он был похож на апостола...

Со словами: „Идем вперед!“ Жеребин двинулся на улицу, за ним последовали „Михаил“ и человек 20—30 студентов, а за этой группой нерешительно потянулось еще несколько десятков человек.

Но не успели демонстранты отойти от университетского крыльца 50-ти шагов, как заметили мчащуюся на них команду конно-полицейской стражи, вызванную полицмейстером. Стражники пустили в ход нагайки. Часть демонстрантов засела в университетском подезде и довольно удачно отбивалась палками. Столкновение длилось не более 2—3 минут, и вызванный наряд пешеходных городовых не застал на месте никого из демонстрантов, уже успешных разбежавшихся. Арестован никто не был.

Хотя самую демонстрацию нельзя признать удачной, так как участником ее являлась небольшая группа революционного студенчества, однако, впечатление в городе оно произвело большое и студенчество всколыхнулось¹⁾.

В декабре 1904 г. „Михаил“ уезжает из Казани в Самару; „профессиональному революционеру“ не полагалось, во избежание провала, засиживаться долго на одном месте. Он уехал, а казанские социал-демократы долго вспоминали кристально-чистого, пламенного „Михаила Заводского“.

(Продолжение следует).

¹⁾ Сведения о демонстрации 5 ноября почерпнуты из бесед С. Линкина с участниками демонстрации В. Н. Иванювым, Е. И. Зарничным и С. Н. Соболевым (1922 г.) и из деп. канц. Казан. Губернатора (1904 г. № 246) и Каз. губ. жанд. Управления (1904 г. № 31).

ПЕРЕД XIII С'ЕЗДОМ Р. К. П. (большевиков).

Статья А. БОРИСОВА, графика М. ЯГУЖИНСКОГО.

БЕЗ ИЛЬИЧА.

ДВАДЦАТАГО мая в Москве откроется XIII-ый съезд Российской Коммунистической партии (большевиков). Вниманию всех трудящихся и всех врагов наших приковано к этому съезду.

В Союзе Советских Республик господствующим классом является рабочий класс и поддерживающая его деревенская беднота. А передовая, самая выдержанная и боевая часть этого класса организована в Коммунистическую партию. Таким образом, РКП (большевиков), это — руководящий, ударный отряд господствующего класса (то-есть пролетариата и беднейшего крестьянства), а, следовательно, РКП (большевиков) — руководящая ЦСССР.

Что такое съезд партии? — Съезд партии это — собрание выборных (делегатов) от всех местных организаций ее. Съезд собирается через определенные промежутки времени (в последнее время — каждый год), вырешает все основные вопросы, стоящие перед партией (а, следовательно, и перед страной); съезд выбирает Центральный Комитет, который проводит в жизнь все решения съезда. Такой порядок установился не только в последние годы, когда партия коммунистов стала господствующей партией, — но на много лет раньше. И тогда, когда царское правительство за одно лишь сочувствие большевикам сажало в тюрьмы, ссылали в далекую Сибирь, — большевики все же сохраняли свои съезды.

Невероятными мистартами пробирался делегаты на съезд, чтобы прежде всего услышать, что скажет Ильич. Что скажет он, тов. Ленин, — любимый вожь рабочих...

XII съезд нашей партии (который происходил ровно год тому назад) работал уже без Ильича, тогда тяжело больного. Это был первый съезд без нашего гениального вождя. Но была еще надежда, что он вернется. В январе Ильича не стало. Погасаа дорогая надежда.

Весь рабочий класс советских республик (и других стран) с напряженным вниманием будет следить за работами XIII-го съезда. Каждый молодой рабочий, — внимательно читавшая в отчет о заседаниях съезда (которые будут помещаться в каждой газете, — будут и в нашей «Смене»), — пройдет большую школу, — школу усвоения главных задач нашей жизни и борьбы. Ибо в повестке для съезда будут стоять самые основные вопросы пролетарской стройки.

Но для того, чтобы понимать, о чем говорится на съезде, — надо знать, какова сейчас политическая обстановка, каково сейчас состояние партии, — какую работу партия и весь рабочий класс прделала за истекший год.

Об этом мы и будем сейчас говорить.

ПАРТИЯ ВЫРОСЛА.

СО СМЕРТЬЮ ЛЕНИНА партия коммунистов (большевиков) не дрогнула, не развалилась, как того ожидали враги. Затова великую скорбь, она обратилась к рабочему классу с мощным призывом пополнить ее отряды, — на смерть вождя отплатить его сплоченностью и удесуренной энергией к борьбе и строительству.

Сотни тысяч рабочих и работников влились в партию: партия стала могуча, как никогда.

На этом рисунке изображен состав партии после принятия нового ленинского призыва (диаграмма № 1). В партии, по предположениям тов. Зиновьева, будет 600.000 человек, из них ленинского призыва — 200.000. Всего рабочих, работающих на предприятиях, будет около половины общего количества — 300.000, а вместе с теми рабочими, которые сейчас заняты на советской, партийной и профессиональной работе 400.000 человек, т.-е. две трети общего количества. Таким образом, партия еще больше внедрилась в рабочую массу.

Таким же широким потоком вливается беспартийная рабочая молодежь в свой комсомол.

НАШЕ ХОЗЯЙСТВО.

ПОСЛЕДНИЕ партийные съезды ставили основной задачей перед всей партией и обращали главное свое внимание на вопросы улучшения хозяйства страны. насколько за истекший год удалось продвинуться вперед?

На этот вопрос нам ответит второй рисунок, составленный по материалам доклада тов. Рыкова (диаграмма № 2 на след. стр.).

Здесь дана общая стоимость изделий российской промышленности и сельского хозяйства за 1913, 1922 и 1923 годы. 1913 год взят, как последний год до войны, когда наше хозяйство было в цветущем состоянии. И вот в этом году общая сумма стоимости изделий нашей промышленности (без сельск. хоз.) выразилась в сумме 4.451 миллион рублей (золотом) — по крупной промышленности 3.721 милл. р. и по мелкой — 730 милл. рублей.

В 1922 году по крупной и средней промышленности было произведено на сумму 1.056 милл. руб. (золотом), а в 1923 году на сумму 1.293 с половиной милл. р., т.-е. за последний год по крупной промышленности мы имеем повышение производительности на 237 миллионов рублей. Крупная и средняя промышленность почти целиком — государственная. Она является базой всего нашего хозяйства. А чем больше эта база, тем легче нам будет строить социализм, — тем легче нам будет к нему продвигаться окольными путями «назад».

В результате роста промышленности нам удалось провести денежную реформу: замену падающих денег твердыми. Это является громадным достижением, потому что нельзя строить хозяйство, не будучи даже в состоянии точно учесть свою наличность в денежных знаках и ежедневно теряя на курсе. После того, как наладился наш налоговый аппарат, был сделан первый шаг к денежной реформе — выпущены твердые, обеспеченные денгичервонцы. По мере улучшения нашего хозяйства, червонцев становилось в обращении все больше; чем больше становилось червонцев, тем меньше выпускалось совзнаков, этих чемпионов «прыжка», с которыми успешно состязалась лишь немецкая марка.

Наконец, к февралю 1924 года совзнаков, по сравнению с общей массой находившихся в обороте твердых денег, стало так мало, что можно было совершенно изъять их из обращения. Это — лучший показатель улучшения нашего хозяйства и, в то же время, необходимейшее условие для того, чтобы это улучшение продолжалось. Февральский молебен над советским рублем открыл новую страницу в истории укрепления, восстановления хозяйства.

С М Ы Ч К А.

ВЕРНЕСМА ко 2-му рисунку. Здесь есть еще часть, рисующая состояние нашего сельского хозяйства. Общая цена продуктов сельского хозяйства сейчас составляет почти две трети довоенной, в то время, как промышленность достигла только одной трети.

От этого несоответствия между производством сельского хозяйства и промышленностью зависит и несоответствие между ценами на хлеб и изделиями городской промышленности. Хлеб выпущено две трети того, что до войны, а изделий промышленности—только одна треть. В изделиях промышленности большая недостача и за них больше платят, лишь бы достать. За продаваемый хлеб крестьянин может меньше купить изделий города, чем раньше.

В сентябре 1922 года они были, примерно, одной цены, а потом и началось расхождение. Линии цен, если их начертить, составляют рисунок, похожий на ножницы; отсюда и название: «ножницы».

«Ножницы» больно бьют по карману крестьянина, делают его беднее, колеблют его доверие к городу.

Установление смычки—основная задача революции. Тов. Ленин не уставал твердить, доказывая, что в крестьянской России рабочие никогда не справятся со своими задачами, если не заручатся поддержкой крестьян. XII-й партсъезд, поэтому, постановил принять все меры к уничтожению «ножниц». И, действительно, вследствие улучшения промышленности с одной стороны, а с другой—вывоза хлеба за границу, массовой закупки хлеба государством и некоторых других мер в последние месяцы, как видно из рисунка, «ножницы» начинают сближаться. «Ножницы» теперь уже похожи на садовые ножницы с изогнутыми на встречу лезвиями. Наша задача—сблизить эти лезвия вплотную.

На XIII-ом съезде будет стоять специальный вопрос о крестьянстве. Тезисы (положения) Центрального Комитета Партии, выпущенные перед съездом по этому вопросу, говорят о необходимости усиления советского и партийного аппарата в деревне лучшими работниками, об укреплении крестьянских комитетов взаимопомощи с тем, чтобы эти комитеты помогали крестьянскому хозяйству бедняков и части середняков: выдавали семенные ссуды, помогали получить на прокат с.х. орудия, организовывали с.х. коллективы маломощных крестьян, артели и т. д. В крестьянстве борются бедняки против кулачьи. Середняки примыкают то к той, то к другой группе. Проводимая нами смычка должна установить дружескую поддержку бедняков и середняков. Борьба бедноты против деревенских Гит Титычье мы поможем, и будем помогать, и

Крестьянскую бедноту, организованную в комитеты взаимопомощи, мы всеми силами и мерами будем завоевывать.

Для этого требуется помощь всех рабочих. Большинство фабрик и заводов шефствуют над деревнями. Молодые рабочие должны усердно проводить это шефство. И мы им должны неустойно напоминать. Попадая в деревню, вы должны помнить, ребята, что вы, являетесь частью рабочего класса, во всех отношениях более культурного, чем крестьяне. Следите за всеми основными законами о деревне и помогайте советом, организуйте борьбу против кулачьи, выживайте его из сельсоветов, кооперации, если там еще есть примазавшиеся кулаки. Помогайте и просветительной работе. Через заводскую ячейку комсомола помогайте высылке литературы в деревню; там—организуйте помощь школе, избирательные и т. д. Всюческими усилиями будем укреплять смычку,—основу нашей победы.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ.

ПАРТИЯ КОМУНИСТОВ—большешиков руководит не только нашей страной. Она самая старая, закаленная, опытная партия в Коммунистическом Интернационале. Коммунистический Интернационал пятнадцатую годовщину которого мы недавно праздновали, был создан по инициативе РКП (большевиков) и свою работу основывает на опыте нашей партии, работавшей свыше 20-ти лет в подполье, первой, повелшей пролетариат на решительную борьбу и к победе.

За истекший год в Германии и в Болгарии происходили бои за захват власти. В обеих странах они не дали рабочих и крестьян победы. Нет победы,—но есть ли поражение? Каково положение одной из самых больших компартий—германской? Теперь мы с уверенностью можем сказать: германская компартия не только не разгромлена, но, наоборот, укрепилась, закалилась в борьбе, приобрела поддержку широких рабочих масс, увидевших, что на деле, не шая жизнь. Коммунистическая партия защищает их интересы. Последние выборы в Германский Рейстаг (Парламент) дали коммунистам 61 место, т. е. за коммунистов голосовало около четырех миллионов рабочих; в то время,

как германские меньшинья потеряли значительное количество рабочих голосов. Это ли не показатель нашего укрепления? Успиваются и компартия Италии, Англии и Франции.

Это одна сторона нашей связи с заграничье—связь с революционными массами. Другая сторона—наши дипломатические отношения с буржуазными правительствами. Без этого нам не обойтись. Мы говорим: пока вы, буржуазные правители, еще держитесь на своих местах, мы можем завязывать с вами торговые и прочие отношения, укрепляющие базу мировой революции—СССР. В последнее время нам «признали» правительства Англии, Италии и некоторые более мелкие державы. Это произошло после того, как в Англии министерство было составлено из рабочих кандидатов. Так называемое «рабочее» меньшинство правительство, под давлением масс избирателей, начало эту полосу признаний. Результатов переговоров еще нет: будущее покажет, насколько Макдональд и его министерство—смогут и будут желать выполнить по отношению к Советской России то, что от них требуют миллионы рабочих.

Но, так или иначе, эти «признания», —покамест не подтвержденные займом Англии, Италии и некоторыми другими, —не показывают, что мы ourselves, что с нами считаются, в нас нуждаются, хотя бы для того, чтобы перебраться в промышленно-отсталую Россию свои товары.

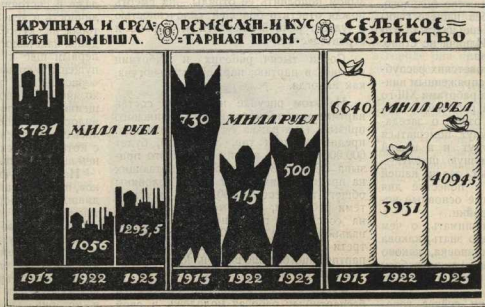
Исключает ли это возможность войны? Конечно, нет. Мы помним еще то время, когда дружеские чувства наших буржуазных соседей ущемлялись на одном кончике штыка, направленного в спину революции. Это время может вернуться. И на этот случай мы сохраняем армию (перевоснаиваем теперь на территории нашу миллионную систему), укрепляем аппарат воздушной и химической войны, привлекаем к этому делу широкие слои трудящихся.

ИЗУЧЕНИЕ РАБОТЫ XIII-го СЪЕЗДА.

Протоколы съезда партии должны не только внимательно прочитываться,—но и изучаться рабочей молодежью. Это является подлинной школой коммунизма для тех из среды рабочей молодежи, кто за это дело возьмется. А нам надо сделать так, чтоб за это дело взялись все. В дни съезда партии,—газеты с отчетами об этом съезде должны читаться вслух, где есть рабочий молодец.

От одного предприятия к другому должны ходить делегации: ребята,—заседают тринадцатый съезд Коммунистической партии.

Самые лучшие люди рабочей страны, ученые тов. Ленина, собравшись на этот съезд, Чутко прислушаемся к тому, что они говорят. Будем учиться на том, что решит тринадцатый большевистский съезд.

Сравнительная стоимость крупной и кустарной промышленности, и сельского хозяйства.

КАК САМИМ ПОСТРОИТЬ ПЛАНЕР.

(ОРГАНИЗАЦИЯ И ЗАДАЧИ ПЛАНЕРНЫХ КРУЖКОВ).

Статья ИГРАДО в переработке «Смены», чертежи по проекту С. АНТОНОВА.

СОБРАЛИСЬ ребята из авиакл. РКСМ при главных мастерах Московско-Белорусско-Балтийской железной дороги. Николаев, чистый парнишка, поинтересовал авиакл.—читал объявление о журнале «Смена» в газете «Правда». К концу прочел «Журнал «Смена» организует кружки «бесоторного полета».

— Это что за кружки полета?

Знал я, что этот вопрос зададут мне. Для этой цели и предложили мне читать объявление о журнале «Смена». Теперь знаю, что законная случилась на месте, где написано о кружках «Парашюта полета».

— Вопрос, ребята, очень серьезный. Редакция «Смены» на страницах своего журнала будет призывать рабочую молодежь самим устроить бесоторные самолеты,—я делал на них.

Решительно перебил меня Николаев.

— Ну, и чудачки же советские, скажу прямо! Легко сказать — «призывать». Так-то это гадки, редакция «Смены» — призывает строить небоскреба.

С трудом удалось остановить поток смеха и шуток.

— Ну, так вот, ребята, бессмысленного в этих намерениях редакции «Смены» ничего нет. Для того чтобы построить бесоторный самолет, или, иначе говоря, планер, можно затратить сумму в 10 червонцев,—а самое большое 50 червонцев,—это в зависимости от типа планера.

Покосорядил ребята на Николаева. Что, дескать, скажешь, носок этого? Не успел я продолжать, как он же снова сорвался с места:

— Во-первых, объясни, что это за планер, откуда взялся,—я, во-вторых, зарисуй скажу,—что если так дешево и просто построится планер, то уж, наверное, инструменты такие диковинные да заморские,—что только держись.

— Что это за планер,—откуда — сорвался,—это мы еще объясним. А пока скажу, что для постройки планера не требуется какого-либо особого оборудования: достаточно светлое помещение, отопляемое зимой, размером 10—20 кв. метров. Инструменты самые простые: стальной ланга, рубанок, стамеска, ножовка, лобзик и тонкая пила — вот фактически основной перечень всего инструментального набора «планерной» мастерской.

А теперь перейду к вопросу о самом «планере». Я уже говорил, что это есть тот же самолет, но без мотора.

Научиться летать так же просто, как прыгать — эту задачу, ребята, ставили себе люди с давних времен.

И только лишь тридцать лет тому назад немецкий ученый Отто Лилиенталь делает опыты полетов на планере, который управлялся движением тех летчика и его ног. На этом приборе, имеющем крылья, как у летучей мыши, — Лилиенталь совершил скользящие («планирующие») полеты с гор. Более двух тысяч полетов совершил Лилиенталь — без всякого мотора. Так опыты немецкого ученого доказали, что при научной разработке вопроса о «планере» имеет большое будущее. Старая мечта многих человеческих умов научиться летать как птицы, — не так уж чудовищна — фантастична. Но надо ведь сказать, ребята, что «планирам» достиг особенно больших успехов за последние три—четыре года в Германии. При чем, как всегда бывает, каждое научно усовершенствование коренится в условиях материальной жизни.

Вы знаете, что Германия, победившая в империалистической войне,—должна была пойти на тяжелые условия Версальского договора. Один из пунктов этого договора гласит, что Германия за-

прещается иметь моторные самолеты. Страну развитой техники, высокой культуры,—Германию,—Версальским договором обязали повернуть вспять двадцать лет на десяти. Отказаться от того, что побуждало воздушные стихии. Но результат получился обратный: сконные тяжелыми орудиями Версальского договора, немские авиосила решили встать летать—без мотора. Да не то, что решили: других выходов найти нельзя было. При чем громадную роль тут сыграла предпринимательность и энергия немецкой спортивной молодежи (не только буржуазной,—но и значительной степени пролетарской).

Опыты немцев в эти годы показали всему миру, что можно не только совершить прыжки с горы, но и часами «парить», как это делают птицы, неоднократно раскладывая свои крылья. И если в 1921 году немецкий планирист Гарт при порывистом ветре держался в воздухе около 22-х минут, то в следующем году при соизволении в Гоне летчик Гевисен летал на планере «Вайпир» Гюноверского кружка в течение 3 ч. 10 м.

Опыты немцев заинтересовали весь мир. Англичане и французы устроили свои планирные состязания и поседнее удалось продержаться без спуска 8 ч. 36 м. и подняться на высоту 600 метр. 1/2.

Кроме этого, оказались возможными полеты с пассажиром; англичанин Олейн на планере Фоккера с пассажиром продержался 49 минут. Самые полеты носят нередко характер длительного перелета на большие расстояния по заранее выбранному маршруту 1/2.

Вот, ребята, важнейшие достижения планиризма за последние 3 года. Вы теперь в праве спросить,—а почему же летает планирист?

Придется, ребята, об этом еще много говорить,—ибо Редакция «Смены» имеет намерение у нас организовать планирный кружок для постройки общими силами планера.

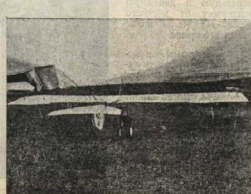
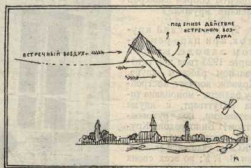
А вода, значит, пару обших раз'яснений о планире.— Движется он исключительно благодаря своему весу—силе тяжести; под'емная сила его создается благодаря ветру, набегающему с определенной скоростью на его крылья, так же, как и в случае шара (рис. 4). Следствие со всем особенно видно в начале полета, потому что планер запускается так же: команда, из четырех или пяти человек, тянет его за веревку, сбегая против ветра вниз с горы. Отправившись от земли, летчик дергает спусковой механизм, чем освобождает канат,—и, действуя далее такими же рулями, как на самолете, отправляется в воздушное путешествие.

Следует различать с самого начала тип планиратора, т.-е. полет бесоторного прибора, со снижением или спуском с какой либо возвышенности по прямой линии, а затем планире на месте. Последнее может протекать в различных условиях: или в горной холмистой местности, или на ровном месте при сильном порывистом ветре. В первом случае является восходящий поток, так как ветер, встречая препятствия, будет отбывать возвышенность. Птицы или планер, входящийся в таком потоке, могут подыматься без всякой затраты своих усилий. В равнинных странах птицы «парилет», как коршуны, астреб и др., пользуются тем, что по-ученому называется «термическими по-

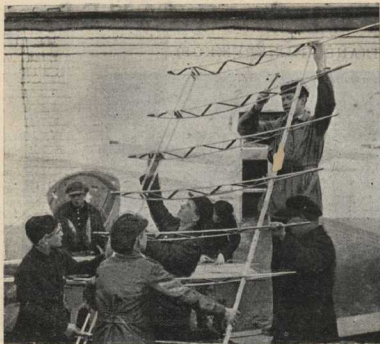
ВВЕРХУ: различные планиры: планер «Вайпир» (слева, рис. 1), имеющий вместо колес футбольные мячи, и планер «Штрюльх» (справа, рис. 2), авиашный рекорд дальности маршрутного полета в 1923 г. **В СЕРЕДИНЕ** (рис. 3): трехрядный планер «Корнуар». **НИЖЕ** (рис. 4): схема действия восходящего воздуха на воздушный амеб.

ВНИЗУ (рис. 5): планер системы Илльжинца, построенный рабочим планирным кружком «Иостяжарта».

1) В январе 1923 года рекорд, поставленный при планирных состязаниях в Саб. Африке, близ города Бисера, французу Сену.

2) Немецкий планирист Марген пролетел 19 км. на планере «Штрюльх» при состязаниях в 1923 году.

Члены Ново-Богородского планерного кружка на сборке крыла (рис. 6). Баллансирный планер.

токами, т.е. потоками воздуха, получившимися благодаря нагреванию земной поверхности; здесь воздух идет вверх, как бы в виде столба дыма, птица улавливает его перьями своих крыльев и использует в нужном направлении.

Теперь несколько слов о том, как ратывалось дело безмоторного летания у нас, в России [3].

С первыми же сведениями об успехах заграничного планеризма в 1921 г. в Москве при Бюро-Науки и Редакции Воздушного флота военный летчик И. А. Валентий организует планерный кружок под названием «Паришй Полет». Лишь только в 1922 году председателем кружка, летчику К. К. Арсеньеву, удалось построить первый планер его системы при непосредственном участии рабочей и учащейся молодежи, объединившейся в кружок. Летом 1923 г. планер был испытан на Ходынке тягой его на буксире от автомобиля, при чем сам Арсеньев совершил несколько удачных взлетов и слуксов, захватив кино-аппарат.

В октябре О. Д. В. ф. СССР организует первое Всесоюзное состязание в Краю, близ города Феодосии. В испытаниях, имевших целью выяснить лучшие русские конструкции планеров, приняло участие 9 планеров, из коих шесть были построены Обществом Планеристов «Паришй Полет» и остальные — студентами Академии Воздушного флота. Наспех организованные испытания, однако, превзошли своим результатом самые смелые ожидания: 18-го ноября 1923 года был поставлен эксперимент, когда продолжительное посещение, на планере Арсеньева красноцветник Юнгемейстер продержался над холмами 1 час 2 минуты, сделав за это время более 28-ми витов, при чем он крутился паря над обрывами близ деревни Суяновова, где оказалось довольно мощное восходящее течение. Из остальных планеров удачно лета, «Буревестник» системы Невадичина, планер Голынского кружка (Отд. «Паришй Полета») системы Тохтасова совершил несколько взлетов с пассажиром. Из рабочих планерных кружков участие в состязании приняла лишь организация московского завода тяжелой артиллерии (Мастская) — выстроившая оригинальный планер системы Ильяшина (рис. 5). Остальные рабочие кружки, как Богородский фабрик, Наро-Фоминский, Подольский, не успели построить свои конструкции к началу испытаний, тем не менее их представители были на испытаниях.

Из этого всего вы, ребята, видите, как можно развиваться планерное дело и у нас, в Советской России; но что вам больше всего узнают, ребята, от этого мое сообщение о том, что во главе пионеров планерного спорта, присутствующих в структуре без-

моторных самолетов — ставит рабочая молодежь подмосковных фабричных районов.

Ее трудящим уже осуществляются первые конструкции планеров. Вам, которые, быть может, ознакомились с моими сообщениями, — возмущает за организацию планерного кружка, — необходимо знать об этих первых пионерах Прусского планеризма.

Вот некоторые из них:

1) Ново-Богородский планерный кружок имеет тридцать пять членов РКСМ, возник в начале 1923 года, был организован красноволостом И. Н. Виноградовым. Чертежи и конструкции обычного планера-биплана разработаны юнгой ЦА. Г. И. Уилковом. Второй планер, строящийся кружком — баллансирного типа — разработан Антоновым, предполагается для учебных целей (рис. 6 и 8). На приложенных фотографиях

Крыло планера Подольского планерного кружка. (Рис. 7).

можно видеть различные моменты сборки планеров местного кружка.

2) Подольский кружок, при пароремонтном заводе, возник в марте 1923 года при центральном рабочем клубе. Кружок монолает постройки планера — конюпана типа Штуртутта, с двумя подкосами, под руководством И. Виноградова. Кружок состоит из членов РКСМ и учащейся молодежи В. Т. У.; во всех своих начинаниях он встретил и моральную и денежную поддержку от местного клуба. На рис. 7 вы видите скелет его крыла.

3) Планерный кружок при Наро-Фоминском фабрике возник летом 1923 года и в настоящее время он строит планер-биплан английской конструкции. История образования, развития этого кружка представляет типичный пример энтузиазма и самостоятельности рабочей молодежи. Кружок не встретил почти никакой поддержки со стороны местной администрации.

Члены его, благодаря предпринятости председателя Т. Дубедава, организовали несколько леточерной авиации на постройку планера.

4) Звенигородский кружок при Исходкоме исполняет планер по чертежам кружка «Паришй Полет». Небольшой состав его — члены РКСМ очень энергично ведет работу и выдвигает в середине лета провозвещая испытания с соснами холмов. Кроме того, успешно работает кружок в Гаузове в Истомкине, Сергееве, Пушкине и ряде других мест.

Руководство означенными кружками осуществляет центральное общество планеристов «Паришй Полет», который выделает инструкторов и ведет конструктивную разработку чертежей планеров. Конструкторы частью студенты Высшего Тех. Училища и частью планеристы-практики.

Военно-Научное общество Академии Вод. Флота ведет работу исключительно в Москве, где им организовано более десятка планерных кружков; в них работает исключительно рабочая молодежь.

Кроме планерист — лучший друг воздушного флота Планерный кружок, как вы сами увидите, помимо всего имеет громадное воспитательное значение. Рабочая молодежь приобретает с каждым вопросом техники, — из рядов юнгов планеристов — будут выходить наши «красные эльзасы», творцы высшейшей в мире социалистической техники.

Как же вот вам, ребята, встает за организацию планерного кружка?

Рост планеризма в СССР последние время принял стихийные размеры. Неизвестно, мало что из молодежи не выдет от авиационной юнги-взбуд поместя. А между тем планер облегчает исполнение авиационной мечты: нужны только энергичные руки, энтузиазм, «исесной» молодежи, да не всегда наличие холмов, так как подняться на планере можно и с ровной местности, при буксировке его автомобилем или мотоциклом. А еще проще запустить его на веревке в ветер, как змей. Ввиду этого не безынтересно проследить все ближайшие этапы в развитии кружка Воздушного флота, так как мы надеемся, что наши юные читатели встретят одним из деятельных пионеров планеризма.

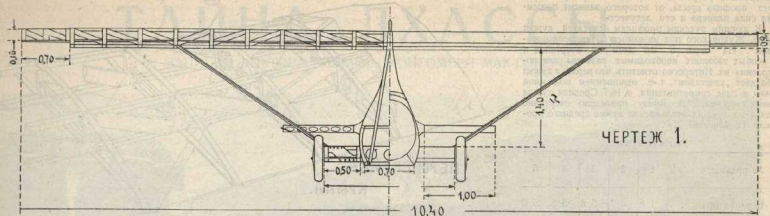
Давайте проследим с вами то, как организовался Ново-Богородский планерный кружок им. Виноградовского.

— Был прочитан добрый доклад об истории и значении планеризма.

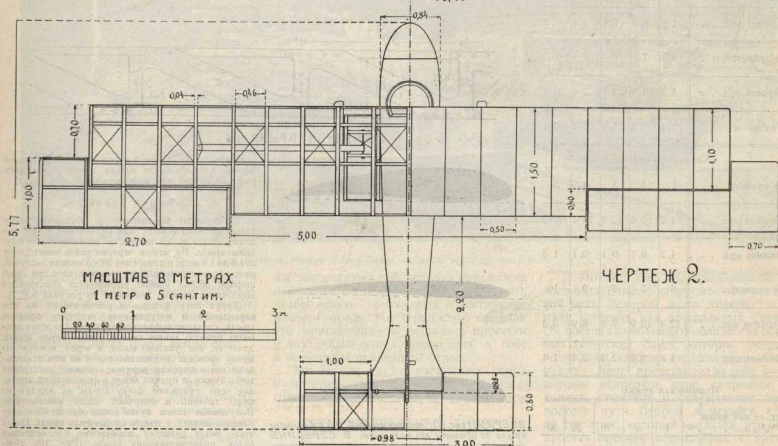
После этого собрались инициативная группа избрала из своей среды правление в составе пяти человек, которое облекало записи в члены кружка (схема кружка могут быть всевозможными).

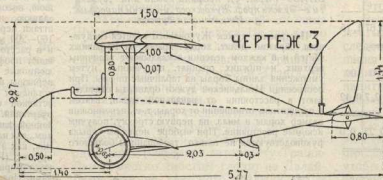
Сборка червор крыла планеристами Ново-Богородского кружка. Вверху — червор нормального планера, внизу — баллансирный. (Рис. 8).

ЧЕРТЕЖ 1.

МАСШТАБ В МЕТРАХ
1 метр в 5 сантиметр.

ЧЕРТЕЖ 2.

ЧЕРТЕЖ 3

Основные конструктивные чертежи планера сист. С. Антонова: ВВЕРХУ: (чертеж 1) планер спереди: общий вид (справа) и разрез (слева от оси сечения). В СЕРЕДИНЕ: (чертеж 2) планер сверху: общий вид (справа) и разрез (слева от оси сечения). ВНИЗУ: (чертеж 3) планер сбоку.

Кружок регистрировался при местном отделении О. Д. В. Ф. через посредство которого он должен снабжаться необходимыми материалами, а также получать руководителя-инструктора. Для начала работы по представленной смете необходимо было купить фанеру и основные доски, на что понадобилось изыскать средства. Наши планерные кружки — а том числе и ново-ботородский — изыскивали их, как членскими взносами, так и привлечением шефства предприятий, а также устройством вечеров и спектаклей. На постройку планера кружку придется выискать, как мы уж говорили, сумму от ста до четырех сот рублей в зависимости от сложности планера (металлические части ваши кружки обычно получают от Газвоздухофлота из старых самолетов). Ново-ботородский кружок им. Володарского, надо сказать, пользуется поддержкой местной фабричной администрации — и строит в настоящее время планер под руководством инструктора Антонова.

Нужные части им были получены и в настоящее время он построил два планера балансирного типа в обычных и ромбовидных. Правление планерного кружка устанавливает порядок работы и дисциплину кружка, ведет учет материалов и организует лекции по авиации и, в частности, по планерству. Как правильно, делает обязательная запись каждому члену кружка выполнить не меньше одной веревки самостоятельно.

Я вижу, что вы не откажетесь теперь считать статью по вопросу о том, как конкретно

ему удастся построить безмоторный самолет.

КАК СТРОИТСЯ ПЛАНЕР.

Общее описание планера.

ПЛАНЕР представляет моноплан с двумя подкосами, которые крепятся к нижней небольшой плоскости, где скрыто шасси (верт. 1, 2 и 3). Корпус планера овального очертания снизу, заостряющийся вверх. Крыло толстого профиля с выступающими краевыми кромками («компенсированные» закрывки), имеет размах в 10,4 метра и глубину 1,5 метров. Несущая поверхность* составляет 16,9 кв. метра. Общий вес планера с летчиком—150 кггр. «Габарит» (основные размеры) планера: длина 5,8 метра, высота—2,27 метр. Перспективный вид планера изображен на обложке.

Планер построен из хорошо просушенного соснового дерева, фанеры, раскрашен фортепьянной проволокой с металлическими укреплениями и обшит полотном.

Устройство крыла.

Крыло имеет основные подкрепительные балки, называемые «доверками», на которых сшит поперечные ребрышки или «дверцы», соединяющие крыло его профилем. Общий вид крыла в обобщенном виде представлен на рис. 9. Как видно, на оба корытастые доверки наклеены

*) Приспособление для спуска, поддежки вает оси и колеса.

поперечные ребрышки—нервуры. Нервура образует профиль крыла, от которого зависит подъемная сила планера и его летучесть.

К лучшим русским профилям относится дужка проф. Жуковского под названием „Имперский парабол“. На черт. 5 мы даем их очертания и в особая таблицах необходимые размеры для построения их. Интересно отметить, что верхняя дужка обладает „качеством“, т. е. отношением подъемной силы к силе сопротивления в 16,7. Средняя дужка имеет качество 20,8. Внизу приведено очертание одной из лучших итальянских дужек среднего профиля. Ее качество 21,0.

Верхняя дужка.

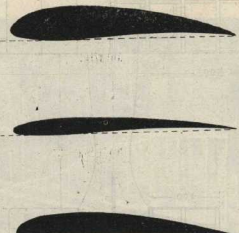
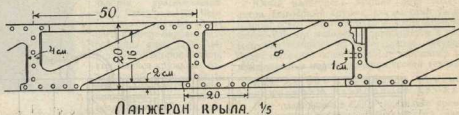
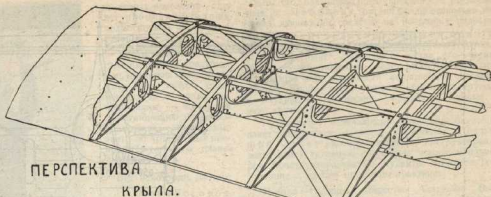
№ ординат . . .	1	2	3	4	5
Верхняя орд. . . .	1,8	4,7	5,6	5,7	5,6
Нижняя орд. . . .	1,8	0,0	0,1	0,4	0,7
№ ординат . . .	6	7	8	9	10
Верхняя орд. . . .	5,2	4,4	3,7	2,8	0,9
Нижняя орд. . . .	1,1	1,3	1,4	1,1	0,4

Средняя дужка.

№ ординат . . .	1	2	3	4	5
Верхняя орд. . . .	4,2	10,6	12,0	13,4	13,3
Нижняя орд. . . .	4,2	0,1	0,1	0,7	1,3
№ ординат . . .	6	7	8	9	10
Верхняя орд. . . .	12,4	10,9	9,6	6,0	3,3
Нижняя орд. . . .	1,8	2,3	2,4	2,3	1,4

Итальянская дужка.

Расст. от нач. точки в %/10	0	1	5	10	20	30
Верхняя орд. . . .	2	4,15	7,02	8,7	10,2	10,6
Нижняя орд. . . .	2	0,57	0,0	0,15	0,67	1,15
Расст. от нач. точки в %/10	50	70	80	90	100	
Верхняя орд. . . .	9,7	6,8	4,9	2,70	4,2	
Нижняя орд. . . .	1,4	0,9	0,55	0,22	0,0	

ВВЕРХУ (рис. 9): перспективный вид собранного крыла до обшивки его полотном. **В СЕРЕДИНЕ** (черт. 4): конструкция чертёж ланжерона. **ВНИЗУ** (черт. 5): профили крыла или „дужки“ и 2—дужки проф. Жуковского, имперский парабол“.

3—Итальянская дужка.

Построение дужек Жуковского ведется следующим образом: делит хорду крыла на 10 равных частей и в каждой делении откладывают величины верхних и нижних ординат, полученные путем умножения длины хорды на табличные цифры. При построении Итальянской дужки ординаты откладывают в расстоянии от начальной точки, взятом в процентном отношении от хорды, т. е., permitting размер хорды в мм. на первую строчку, получим искоемые расстояния. При выборе нервуры крыла руководствуются не только требованием большого

„качества“, но также и хорошей конструктивной формой; в этом смысле тонкая дужка Жуковского (черт. 5) трудна при выполнении нервуры.

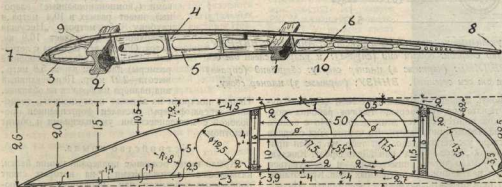
Сборка нервуры.

Заготавливают предварительно рейку толщиной 5 мм на 8 мм. или к сечению 8 на 8 при длине от 1,5 до 1,8 метров, в зависимости от глубины крыла. На данном чертеже рейка имеет длину от 1,6 до 1,9 метр, и измерения 30×5 мм. — случай, мало распространенный на практике, хотя при такой ширине весьма удобно выполняется конструкция коробчатых нервур, как видно из рисунка 9.

Берут лист фанеры и расчерчивают на нем карандашом в натуральную величину профиль крыла, согласно выбранной таблице. Для этого проводят прямую линию длиной, равной хорде крыла, делят ее, как указано выше, и через каждую отметку проводят перпендикуляр и на нем откладывают два измерения: верхнее и нижнее расстояние точек дужки от прямой линии в процентах от хорды, для чего умножают длину хорды на каждую из цифр таблицы и получают число миллиметров. Полученные таким путем точки обводят по линейке плавной линией и получают профиль крыла. После этого ведут разметку ланжеронов, т. е. основных балок, поддерживающих крыло (рис. 10). Ланжероном нервуры разделяется на три части: среднюю, посредине, охватывающую „ребро стенок“, и заднюю, называемую „ребром стопа“. От ребра attack передней ланжерон проходит в расстоянии 160—200 мм. и, где вычерчивается его профиль, и в расстоянии от него 500—600 мм. устанавливается профиль второй. Теперь набивают 1—1½ дюймовые гвозди без шляпок по очертанию нашей нервуры в два параллельных ряда и в середине вставляют рейку. „Ребро attack“ нервуры образуют вставкой фанерной планки, соответствующего очертания. Обе рейки затем скрепляют или обделывают фанерной стенкой, толщиной в 1—1½ мм., как на чертеже 6 и рис. 10, или расшивают из планок, как это делает Новооборожденский планерный кружок (рис. 8). Фанера и раскладка приклеиваются и пришиваются 10-ти миллиметровыми гвоздиками. После этого нервуру вынимают из стянки и подвешивают ее для сушки. Таким способом сразу заготавливают все необходимое число нервур, от 60 до 70 штук, как моноплана. У нас на чертеже 19 штук. Рекомендуется перед сборкой нервуры обшить шпунтовой поверхностью рейки и фанеры, а также, если есть средства, покрыть лак для предохранения от загнивания и сырости¹⁾.

¹⁾ Не все нервуры делаются оливообразной длины; 5—6 последних образуются у заднего ланжерона; это тем, где крепится подвижная часть крыла, так называемый „элерон“—боксовое крылышко поперечного управления. Лучше заготовить все дужки полностью, а затем уже при сборке крыла отпилить ребро стопа нервуры на протяжении элерона.

(Продолжение в следующем номере).

Нервура крыла (ПОПЕРЕЧН. РАЗР.) 1/5

ВВЕРХУ (рис. 10): общий вид нервуры крыла; 1 и 2—ланжероны, 3—носовая часть, 4—усиливающая стойка, 5—средняя часть, 6—задняя часть, 7—ребро attack, 8—ребро стопа, 9—верхняя рейка, 10—нижняя рейка. **ВНИЗУ** (черт. 6): поперечный разрез нервуры крыла.

ТАЙНА ЛХАССЫ.

ЗАПИСКИ ДОКТОРА ВИЛЬЯМА МОНГОМЕРИ МАК-ГОВЕРНА.

Потала, дворец Далай-Ламы, видимый через хрэм Лхассы.

АРИСТОКРАТИЧЕСКИЕ фамилии в Тибете привлекали к некоторым китайским блюдам, но крестьяне круглый год едят одно и то же. Дичь и рыба считаются тибетцами нечистыми для еды. Расчитывая пища почти неизвестна.

Сырое, несколько испорченное мясо, чай с маслом и ячменная мука не очень аппетитны, но переход в 30 миль отбивает все прочие чувства, кроме голода, так что я ел все это с жадностью. Сатана, как господин, иногда позволяла себе на постоялых дворах кое-какие китайские лакомства, но я, как слуга, был принужден есть с тибетскими крестьянами и не смел ничем таким воспользоваться.

На следующий день (5 февраля) мы пришли в Шигатце; мы были теперь в самой населенной части Тибета и проходили днем через многочисленные, но небольшие по размерам своим деревни. Я не подсчитал, что Тибетское плоскогорье едва ли имеет свыше 1.500.000 жителей.

За это время мои ноги были так избиты трюбой тибетской обувью, что идти было прямо мучительно. Я пробова итти босиком, но острые камни резали мои ноги, и когда я стал оставлять за собой красные следы, мне пришлось опять надеть эту обувь.

Ведному Диогену было еще хуже; благодаря своим омерзженным ногам, он очень уставал и Сатана часто бил его, чтобы поднять и побудить итти. Уже к самому вечеру мы перешли маленькую возвышенность и увидели Трашиль-Гумпо,—громадный монастырь в 5 милях от Шигатце.

Самый город Шигатце дедал за холмом одну милю дальше; у подножья монастыря была небольшая деревушка. В ней наши компаньоны-торговцы имели свои собственные дома. За время пути

мы так подружились, что они пригласили нас остановиться у них вместо того, чтобы искать пристанища в гостинице в самом городе. Мы с радостью приняли это приглашение и решились провести у них целый день с целью дать и себе и животным небольшой отдых.

Мы хотели также посмотреть город и посетить монастырь, который ежегодно привлекает тысячи богомольцев.

XXV. ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ТИБЕТ.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ Тибет состоит из 2 провинций: Тсанг—на востоке и Тсу—на западе. В первой—столица Шигатце, в другой—Лхасса. Не так давно обе провинции были отдельными государствами, и настоятель монастыря Трашиль-Гумпо являлся также королем Тсанга, но теперь чиновники из Лхассы управляют обеими провинциями.

Политически, следовательно, Далай-Лама выше, чем Траши-Лама, но в отношении религиозном оба они почитаются одинаково. Благодаря авторитету Траши-Ламы, многие тибетцы глядят на Далай-Лама, как на светского владыку, а на Траши-Лама, как на духовного руководителя Тибета. Мне было очень приятно узнать, что Траши-Лама будет проходить днем в религиозной процессии по городу, и я, пробравшись вместе с богомольцами, буду иметь возможность увидеть его. Это человек с умным и красивым лицом, что соответствует и его характеру, как его рисуют, и высокому, занимаемому им посту. Монастырь Трашиль-Гумпо—самый образцовый по своим порядкам. Он востен своею ученостью и привлекает много учащихся со всех сторон Тибета. Здесь они получают очень высоко ценимые ученые степени. В нем сейчас не менее 5000—6000 монахов.

В этот же день мы приобрели полнокровного осла, с целью облегчить наш оставший путь. Вечером наши хозяева задумали устроить нам праздничный банкет. Он состоял из большого количества обычных тибетских блюд, которые усердно поливались спиртными напитками. Один из них—,чанг* представлял из себя очень вкусное некрепкое пиво, сваренное из ячменя, приятное и освежающее после долгого пути. Второй назывался арак; не тот арак, который мы знаем, это была простая крепкая водка. Арак с трудом переносит даже очень крепкие голы.

Этот арак чуть не погубил всего.

Вечер начался очень весело. Веселые жесты, веселые народные песни быстро следовали одна за другой, но скоро компания очень опьянела. И Латен и Сатана пили один арак, но прикасаясь к другому напитку. Они скоро перестали владеть собою, и написавшись пьяными, начали между собою страшную ссору.

От брани они перешли к ударам, и их слеза удалось развить. В пылу драки они забыли свои роли и оба требовали, чтобы я, как господин, разрешил их ссору. Я был страшно встревожен, и если бы наши хозяева не были столь простодушными людьми, передавание могло бы открыться; однако, все сошло благополучно.

XXVI. В СТРАНЕ БЕЗ КАРТ.

МЫ РАНО ВСТАЛИ на следующий день (7 февраля) перед нашим последним переходом. Первые три дня наша дорога должна была итти по южному берегу знаменитой Браманпуры.

Браманпура вытекает с гор крайнего запада Тибета, протекает несколько сотен миль по самому центру Тибета в правильном восточном направлении, па-

раллею цепи Гималаев, а затем поворачивает на юг, и, прорвавшись через горы, переходит в Индию, где она впадает в Бенгальский залив, недалеко от Калькутты; когда мы подошли к реке, то увидели, что долина реки занимает 2 или 3 мили, при чем река в сухое время разбивается на ряд небольших, но очень быстрых потоков.

Убы в стране совершенно не обозначены на географических картах, даже не нанесены хотя бы приблизительно теми шпионами, которые посылал Британским правительством с этою целью в Тибет. Конечно, я старался собрать как можно больше географических подробностей.

В силу моего переодевания в приятной на себя роде, регулярное наблюдение было, конечно, невозможно, но каждую ночь, после того, как мои спутники на постоялом дворе ложились спать, я выходил на двор и при лунном свете наносил необходимые заметки касательно той части страны, которую мы прошли днем.

Первый день нашего пути был омрачен смертью мула, нога которого была ранее повреждена. В Шигатсе ему стало лучше, так что эта смерть была для нас неожиданна; мы потеряли таким образом еще 3-х животных из 6, что мы взяли в начале пути, между тем нам предстояло еще несколько дней пути до Лхассы. Эта новая смерть сильно увеличила вес того, что нам пришлось тащить на собственных своих плечах, и при первом удобном случае я купил другого осла.

Нас надули с этой покупкой, так как наш вновь приобретенный осел стал, пройдя 3 или 4 мили. Кнут не оказывал на него никакого действия, и, протавив его еще с мило, мы оставили его на дороге, распределив между собой его ношу. При таком положении Сатана должен был идти пешком, так как на его поны навалили часть груза; сам он при этом категорически заявил, что не может нести сам, так как это совершенно не соответствовало бы той роли господина, какую он должен играть.

XXVII. ПОДОЗРЕНИЯ ВОЗНИКАЮТ.

8 ФЕВРАЛЯ мы нашли Тангку полную индийскими певцами, которые толпились на нашем дворе и назойливо требовали денег. На следующее утро Сатана сделал первую свою попытку шантажировать меня. Он повял, как мне хочется, пройти в Лхассу, и решил, что я заплачу какую угодно сумму, лишь бы дело не сорвалось. Он потребовал от меня 1000 рупий, грозя в противном случае сообщить властям, кто я. Мое первое ощущение было побить его, но я понял, что это нехорошо, и пошел на компромисс.

Я обещал дать ему 200 рупий за его молчание, сумму значительно меньшую той, которую я дал бы ему, если бы он работал добросовестно. В то же время я потребовал, чтобы он предвинул свое требование в письменной форме. Он по наивности сделал это; тогда я сообщил ему, что он в моей власти, и что, если нас вернут или вышлют из Лхассы в результате его действий, я его засажу в тюрьму в Индии за шантаж.

9 февраля мы пришли в деревню Тангуру. Приближаясь к этой деревне, мы прошли мимо громадного монастыря. Один из монахов остановил нас и стал допрашивать, ибо наш сиккимский костюм возбуждал его подозрения, но Сатана, который, надо дать ему справедливость, был великодушный актер, ответил из всевопроса монаха, к полному моему удовольствию.

Наш дальнейший путь привел нас к реке и я увидел в чистой воде изобилие рыб громадной величины; но в то же время берега реки были покрыты дикими гусьями и утками, совершенно не пугавшимися нашего приближения. Их число и полное спокойствие объясняется отношением тибетцев к охоте и рыбной ловле. Нельзя губить жизнь диких животных, нельзя убивать диких птиц, нельзя ловить рыбу, говорят они. В то же время можно сколько угодно убивать домашних животных и тибетцы очень любят их мясо.

Река здесь покойная, и небольшие лодки ходят между Шигатсе и Тангуру, после же этого места Браматутра переходит в стремительный поток, так что ниже почти на 60 миль плавание совершенно невозможно.

Сооружаемые Тибетцами лодки чрезвычайно грубы и просты по конструкции. Они сделаны из кожи, натянутой на распорках, и очень похожи на суда древних британцев. На озерах таких лодок не знают вовсе. В Тибете много монастырей и храмов расположено на островах больших озер и сообщение с берегом происходит лишь зимой по льду, когда вода замерзает и можно пройти пешком.

Следующий день (10 февраля) мы достигли места, где река Ронг впадает

в Браматутру. С этого места было невозможно продолжать дорогу вдоль реки, ибо берега подошли к самому руслу и река мчалась между 2 вертикальными скалами.

XXVIII. ПУТЕШЕСТВИЕ С ТУЗЕМЦАМИ.

ХОТЯ ЛХАССА лежит на север от Браматутры, но мы должны были сделать длинный крюк на Юго-Запад, следуя течению реки Ронга, к ее истоку, — озеру Ямдро, откуда мы должны были вернуться к Браматутре и, перейдя ее, попасть в самую Лхассу. Вскоре мы остановились у подножья „Великолепного Дзонга“, или замка Рингто, расположенного в немногих милях от долины Ронга. На постоялом дворе мы нашли небольшую партию тибетцев, которая шла к Утзе и великому озеру, и решили идти с ними до этого места; мы нашли совместное путешествие очень удобным, особенно в виду тибетского обычая вставать и пускаться в путь до света, пока кругом еще темно. Когда же мы были одни, нам было легко заблудиться в темноте в ранние утренние часы, так как мы не знали дороги, а карты были неверны.

На следующий день (11 февраля) наша разрозненная партия продолжала свой путь по долине Ронга. Ветер буквально сбивал нас с ног. Я нахожу, что в этих узких горных долинах ветер более концентрируется, чем на равнине, и теперь ветер так дул, что с трудом можно было двигаться; хотя долина узка, но на ней довольно много деревьев, так как почва здесь очень плодородна. Вскоре мы дошли до места, откуда по боковой дороге только два-три дня пути до Гантсе; только три месяца тому назад я с полным комфортом жил в этом городе, и я несколько сравнил это с моим теперешним положением. Около полудня мы прошли через деревню, славящуюся своими теплыми ключами. Вода здесь собирается в бочки вдоль самой дороги, и я видел множество кулачков в них тибетцев. Таких ключей очень много в Тибете; они приписываются большая целительная сила, и тибетцы, преодолев свою нелюбовь к воде, сидят часто в ней целыми часами.

XXIX. ХОЛОДНАЯ ВАННА.

ТЕПЛЫЕ КЛЮЧИ нередко содержат здесь серу и помогают по этому во многих отклонениях; сера уничтожает в частности паразитов, которыми страдают все тибетцы. В грязной одежде тибетцев вошь плодится во множестве. И мы не остались чисты от этой заразы. Постоялые дворец поны вшивам, и их я в изобилии находил на себе. Сначала их присутствие было для меня прямо невыносимо, но потом я привык.

(Продвж. в след. ном.).

Традиция лам: по окончании „ялгас демсено“, монахи — прислужники осыпают танцоров чаем.

ЗАВОЕВАНИЕ СОЛНЦА.

Статья П. И. ЛОПАТИНА.

ЗАВОЕВАТЬ СОЛНЦЕ.

Заставить его работать. Каким это будет, несоборной мечта? Так могут подумать многие. А между тем думать так — ошибочно. Мы часто не дооцениваем тех крупных успехов, которых достигла техника и большая часть как-то не отдает себе отчета в том, что, ведь, давно мы поработали часть солнечных лучей, приучили их и заставили работать на наших фабриках и заводах, согреть наши квартиры, даже светиться в наших электрических лампочках и совершать сотни и тысячи больших и малых дел.

Как же это так? Возьмем какой-нибудь двигатель, ну, скажем, так хорошо всем известную паровую машину и посмотрим — где же здесь солнечные лучи и каким образом мы ухитрились заставить их работать?

Вспомним на минуту, что происходит в паровой машине. Пар, попадая из парового котла в рабочий цилиндр, силой своего давления двигает взад и, в свою очередь, приводит большое маховое колесо. Как будто здесь, говорит о работе и участии солнца не приходится. Но приглядимся к этому поближе.

Откуда получается пар? Ведь для этого надо согреть воду в котле и сжечь в топке определенное количество топлива. Вот тут мы и подходим вплотную к участию солнца в работе парового двигателя. Ведь топливо — это те же солнечные лучи, только переработанные в той громадной фабрике, название которой — природа.

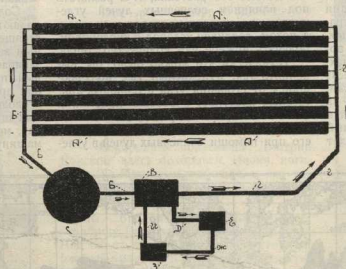
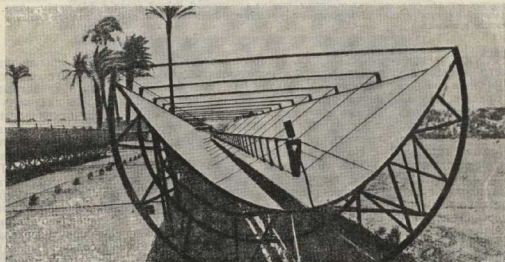
И, действительно, возьмем хотя бы каменный уголь, этот наиболее распространенный в промышленности вид топлива. Ведь он представляет из себя не больше, не меньше, как росшие некогда, много лет тому назад густые леса, питавшиеся в те далекие времена лучами солнца.

И вот, когда мы сжигаем топливо, т.-е. соединим его с кислородом, послед-

ствие, посылающее свои лучи на нашу землю, является источником жизни на ней. Действительно, оно дает источник энергии — благодатное тепло, которое является необходимым условием существования всего живого. Без солнца земля превратилась бы в сплошную ледяную, замерзшее тело. Благодаря солнцу, из мертвого вещества создается «живое». Лучи солнца, нагревая воду в морях и озерах, заставляют ее испаряться, водяной пар поднимается вверх и уносится ветром. В верхних слоях воздуха пар превращается снова в жидкую воду, которая и падает на земную поверхность в виде дождя. Солнечные лучи нагревают землю повсюду, в одних местах больше, в других — меньше, над более нагретыми частями поверхности нашей планеты и воздух более нагревается, а известно, что нагретый воздух расширяется и тем самым легче, а тогда холодный и более тяжелый

воздух производит давление на более теплые, образуются, таким образом, воздушные течения, т.-е. то, что мы называем ветром или бурей... Итак, ветер и в живой природе и в неживой мы видим действие солнца. Без него наша планета была бы мертвым телом без жизнеспособного тела, без жизнеспособного и расширяемого мира, без человеческой культуры, без возмущения морей и океанов, без дождя, без оживающих земную поверхность ветров... За последние время наука постигла себе грандиозную задачу — использовать солнце в виде источника безграничной энергии. Поставлена такая «задача» — сделать будущим источником энергии так называемые грандиозные переторы в жизни человечества.

Печатаемая нами система П. И. Лопатина и послужила этой судьбой роли солнца в человеческой культуре.

НАБЕЖУ. Солнечный двигатель Шумана под Капором (Египет) в поезде, когда солнце стоит в зените. Установка состоит из 5 автоматически поворачивающихся за солнцем зеркал в 0,1 метр шириной каждая с общей площадью отражающей поверхность в 900 кв. метр. Мощность установки около 100 л. сил.

ВИЗУ. Схема установки этого двигателя: а) восемь рядов осунутых зеркал; б) трубки, приводящие горячую воду из зеркал к котлу; в) рабочий котел с аммиаком; г) отводная труба воды; д) паровой в машине; е) машина; ж) труба отвода паров отработавшего аммиака; з) охладитель.

ний снова вступает в соединение с углеродом топлива и образует уже знакомую нам углекислоту. При этом скрытая в топливе солнечная энергия освобождается и превращается в то тепло, которое и

согревает хотя бы ту же воду в котле напая паровой машины.

Таким образом, уже в тот момент, когда человек впервые научился использовать топливо, добывая из него тепло и свет, — началось первая страница истории завоевания человеком солнца.

Сейчас мы дошли уже до конца этой первой страницы: — мы прекрасно научились использовать наши топливные богатства.

Но еще перед нами лежит еще толстая книга этой истории и за последние десятилетия мы начинаем уже робко заглядывать и на вторую страницу. И это как раз во время. Первая страница уже прочитана почти до конца — наши топливные запасы могут рано или поздно истощиться и перед человечеством встанет грозный вопрос: что же будет тогда, когда запаса топлива не станет?

Я сказал, что мы уже слегка заглянули на вторую страницу, но прежде, чем рассказать, что же увидим там человечество, давайте решим такой вопрос: а стоит ли еще заглядывать туда? Быть может, сжигая топливо, мы использовали все, что можно взять от солнца и большего от него, при всем желании, получить уже нет возможности. Быть может, там — только пустой белый лист и нечего больше.

Еще почти 100 лет тому назад, в 1838 г., французский ученый Пулье сделал первый подсчет и нашел, что в среднем каждый квадратный сантиметр поверхности, на которую падают отнесенные солнечные лучи, получает каждую минуту около 1 малой калории тепла, т.-е. лучи, падающие на квадрат, могут нагреть один грамм воды на 1 градус в течение одной минуты. Но что это — большая или

малая энергия?

Произведем для этого небольшой расчет. На поверхности двух страниц нашего журнала 1900 кв. сант., или, говоря грубо, — 2000 кв. сант.

На эту уверенность солнце в своих лучах посылает в минуту 2.000 малых калорий тепла. Теперь спрашивается, во сколько минут этим теплом можно вскипятить, ну, хотя бы, стакан воды?

В стакане 250 граммов воды и ее надо нагреть с комнатной температуры, т.е. с 20° Ц. до 100° Ц., т.е. на 80°. Для этого нам придется затратить: $250 \times 80 = 20.000$ малых калорий. Таким образом, тем теплом, которое солнце посылает на две странички нашей «Смены», мы в состоянии вскипятить стакан воды в 10 минут.

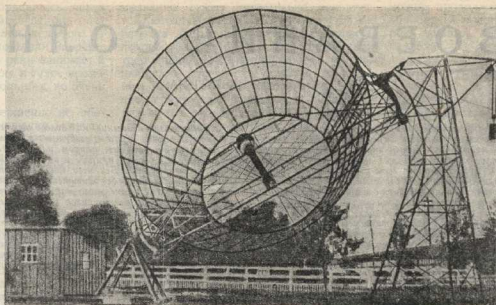
Если бы всю эту теплоту мы могли бы превратить в механическую (двигательную) энергию, то каждый квадратный километр земной поверхности дал бы нам 1 миллион лошадиных сил. Но если даже принять, что мы в состоянии использовать для своих нужд только 10% этой энергии, то и в этом случае с одного квадратного километра мы получили бы 100.000 лошадиных сил, т.е. больше, чем дают нам все установки Волховстроя. Исходя из того же расчета, можно заключить, что для покрытия расхода энергии всех московских электрических станций, нам пришлось бы для двигателей, поглощающих солнечные лучи, отвести под Москвой небольшое поле, размером, примерно, с Ходянский.

А если ко всему этому мы вспомним про находящиеся под палящими лучами солнца пустыни Азии, Африки, Австралии и Америки, то для нас станут ясны, какие неискаемые запасы энергии посылает на землю солнце в своих лучах.

Но посмотрим теперь, сколько же из всех этих запасов солнечной энергии, получаемой нашей землей, тратится на питание растений, т.е. консервируется в нашем топливе. Известный ученый Гельмгольц вычислил, что на это идет

1 всего только 1500-той энергии, которую солнце посылает на покрытую растительностью поверхность земли. Только одна полпутора тысячная часть. А, значит, остальная масса солнечной энергии так и пропадает неиспользованной около нас, в то время, как человечество грезит из-за этой несчастной

1500, превращенной природой в уголь и нефть. Крутом нас солнце совсем разное громадный, богатейший

Солнечный двигатель Эриксона в Лос-Анжелесе (Калифорния С.-А. С. Ш.). Возвзает зеркало, диаметром 10 метров, вращается на оси вслед за солнцем. Оно состоит из 1788 маленьких плоских зеркал, отражающих солнечные лучи на асбестовый медный котел в виде трубы, укрепленный в конусе зеркала. Вся установка приводит в действие 9-ми силую паровую машину низкого давления.

запас энергии, который человек еще не умеет ловить и использовать для своих целей. А поэтому ближайшей задачей науки является — научиться это делать. Только в этом выход из выдвинувшегося в последние годы на мировую промышленность тупикового топливного кризиса.

Но как это сделать? Кое-что об этом мы уже знаем. Мы знаем, например, что в этом направлении нам можно идти двумя путями.

Первый путь — путь старый, прекрасно известный нам и уже давным-давно использованный растениями. Ведь ловить же они солнечное тепло так почему бы и нам не сделать того же. И именно так, как делают это растения, т.е. разлагать под влиянием солнечных лучей углекислоту воздуха на кислород и углерод, а потом, соединяя углерод с кислородом, получать нужное нам количество тепла.

Технически это можно было бы воплотить так. Углекислый газ, получаемый от сгорания угля в тепловых двигателях, поступает в особые приемники солнечной энергии, расположенные на соседнем поле, которые перерабатывают его при помощи солнечных лучей в угле-

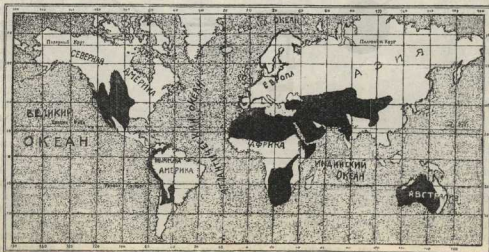
опыт: взяв лупу (увеличительное стекло), нагревайте ее на солнце. Благодаря особым свойствам лупы, лучи солнца, проходящие через нее, соберутся в одну точку и, если вы направите лупу на бумажку, или на вашу шапку, или на рукав вашей рубашки, то эти предметы прожгутся.

Сущность «солнечного двигателя» удивительно проста. Представьте себе громадную зеркальную воронку, поднятую над землей на особых механизмах. Воронка эта снабжена часовым механизмом, безостановочно двигающим ее так, что каждую минуту зеркала эти направляются прямо на солнце. В некоторых случаях воронка может быть заменена длинным погнутом зеркалом, изображенным на рис. 1.

Солнечные лучи, отражаясь от зеркала, падают на черную поверхность котла, стоящего под этим опрокинутым солнечным зеркалом. Находящаяся в нем вода закипает и пары ее направляются в обычный паровой поршневой цилиндр. Тут они приводят в движение поршень, а он, в свою очередь, через посредство обычных шток, маховиков и ременных передач, может приводить в действие любую машину.

Вот в кратких чертах описание того, что сделано наукой и техникой в деле завоевания солнца, и те пути, по которым пойдет в дальнейшем это завоевание.

И когда люди научатся ловить полностью солнечные лучи и заставят их работать на себя, тогда центр человеческой культуры переместится в жаркие солнечные страны и там начнется новая эра покорения природы, построенная на обуздании солнечного луча.

Карта поверхности земли. Черным обозначены места, удобные для непосредственного использования солнечного тепла.

КОМСОМОЛ ЛЕНИНСКОЙ СЛОБОДЫ.

Статья Д. ХАИТА.

Фотографии соб. кор. П. ЛАСС.

I. «ШЕВЕЛИ МОЗГАМИ».

НАПРАВЛЯЮСЬ с комсомольцами ячейки «Динамо» в клуб РКСМ. Назаводском дворе — у стены толпа.

— Получка, или что?
— Стенгаз наш читают.

У стены, где висела газета, кто-то взвизгивал в мокром, захлебывающемся смехе.

— Ай, камса. И-и-ох... Ха-ха-ха... Не могу. Черти.

Газета называется:

— «Шевели мозгами».

Строчки газетные перерезал лозунг:

«Пока у дивчины мысли куцые, туго будет расти революция».

Строчи:

На заводе нет тряпки...
Несите родные штаны,
Портняжки, юбки, чулки без пятки:
Мы будем вытирать станки...

А заголовки и лозунги режутся на газетных листах, как красные полотнища на площадях:

— Завком, проснись.

— Не комсомолец тот, кто не работает в клубе.

II. «БЕСПОКОЙСТВО В ПОКОЯХ АРХИМАНДРИТА».

.... Зеленое, крепнущее солнце вышло в своих лучах всю

Вверху—вход в Симоновский монастырь. Внизу—стенные газеты клуба.

слободу. Воздух стал шелковым, тихим. Небо посеребрело.

— Мы — в монастыре. В одной из его церквей — клуб РКСМ, объединяющий весь слободский молодежь.

— Тесно нам было. Вот и решили. Монахи потесниться могут. Церковь-то тысячу человек вмещает.

Во дворе древнего монастыря пещеры с кованными тяжелыми решетками у входа.

— Похоронные подземелья, Дмитрий Донской здесь похоронен. Иноки, погибшие на Мамасевом побоище, и вся последующая именитая челядь, — объяснил комсомолец.

Мы бродим по монастырскому кладбищу. Генералы. Священники. Кулчи. Над памятью их — единственные сторожа: жваый мрамор и покрявившиеся кресты.

Комсомольский клуб — в бывших покоех архимандрита.

Там, где клубились душные ароматы ладана, где потрескивал в лампадах слей, на театральных подмостках разыгрывается:

«Звезда коммуны»,

«Буржуй в аду».

В «голубом зале» — комсомольский отдых. Шашки. Журналы. Газеты.

В соседней комнате, утопающей в красных коврах, где раньше серебром бле-

тели божицы и ризнич, теперь — уголком Ленина.

Уголком этот комсомольцы организовали своими силами.

Стены в уголке — кричащие. Бьющие плакатами-лозунгами, призывами. На переднем плане — Ленин в ореоле прекрасных слов:

«Борцы умирают, революция живет».

Беседу с базовыми секретарями ячеек — Рындичем с «Динамо» и Фокиным с «Амо». Им удалось подтянуть фабрику, выбрать энергичных заводских — влить в целом в ячеевую жизнь новые соки комсомольско-ленинского набора. В результате комсомол увеличился вдвое.

Рындич и Фокин — слободские ребята. Из тех, что раньше тренировали свои кулаки для боев с козуховцами...

Комсомол повернул наизнанку все го, чем дышала старая Симоновка.

Комсомол зажег красным светом архимандритские покои, за окнами которых по парчевым от снега монастырским дорожкам сейчас уныло бродят люди в рясах и клобуках...

Т. Рындич, секретарь ячейки «Динамо».

Т. Фокин, секретарь ячейки «Амо».

ВЕЧЕР

Л. ИСКРОВ-МАШКЕВИЧ.

Новость! Новость! Уши расшейте! Эйн Не устанет кричать! Самые захватные, последние известия.

Читай-те!
Ком-со-моль-скую печатни!

ЦЕЛЬ «ВЕЧЕРА Книги» — в наглядной форме показать, как делается книга, каково общественное значение книги, как работает библиотека, как нужно читать и обращаться с книгой и, наконец, какие книги читать и какие не читать.

Раньше всего был наглядно показан процесс производства книги. Группа печатников демонстрирует рядом массовых движений: набор, верстку, работу печатной машины, брошюровку, фальцовку и переплет книги. Все стадии процесса производства книги поясняются массовой декламацией.

Общественное значение книги выявлено в диспуте между профессором и рабочим. Сухопарый профессор гнусавит лекцию о значении книги для общества: «Назначение книги?» — «глубокомысленно поучает профессор: унести читателя от жизни». Лекция превращается в диспут выступлением рабочего.

«Книга, печать — могучее орудие классовой борьбы», говорит рабочий.

Работа библиотеки показана в параде библиотекарей. Библиотекари (группа в 20 чел.) организуют выставку книги. Все выстраиваются в ряд, каждый из библиотекарей держит книгу (у каждого в руках, вложенная на большой кусок картона и увеличенная по размеру картона, обложка книги).

Библиотекари поют о значении книги («книга тоже винтовка, так же верно бьет») и о том, какие книги надо читать («читайте романы, читайте рассказы лишь те, что на битву зовут»).

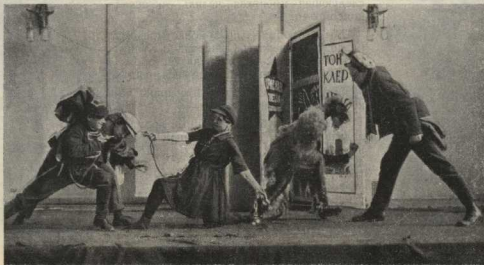
Как читать книгу — как не следует читать книгу — и как не следует читать книгу. Ответ на это дается самый наглядный. Один рабочий парнишка, решив заняться самообразованием, берется с большим жаром и пылом за самые разнообразные книги: «Капитал» — Маркса,

Около 5 мес. работал, под руководством В. Л. Жемчужного, драмкружок 4) на постановку «Вечер Книги». Наконец, 15 апреля в Малом зале Ревкомсовета драмкружок «Вечер Книги» был поставлен для подшефной красноармейской части.

Текст для «Вечера Книги» разработан (дело агиток Г. П. П.) Андреем Иркутовым, В. Никитиным и Романом по сценарию В. Л. Жемчужного, костюмы Степановой. Участники «Вечера Книги» около 80 человек, из них 80% — комсомольцы.

ВВЕРХУ: «Назначение книги» — говорит профессор, — унести читателя от жизни». **В СЕРЕДИНЕ** — народ библиотекарей; читалие роман, читающие рассказы, — лишь те, что на битву зовут! **ВНИЗУ** — Трест Д. К. выслежен, слева — Красным Дьяволом и Пинкертоном, справа — Тарзаном и Уиттоном Синклером.

КНИГИ

Фотографии РОДЧЕНКО.

«Радиотехнику», «Курс акушерства», «Ключи счастья» — Вербицкой, «Ключи счастья» — это, должно, насчет плавиды! — рассуждает вслух парень. — «Знанию. Так для супруги Антонины обязательно беру». «Облако в штанах» — Маяковского («штаны в нашем рабочем быту — первое дело, да ежели с облаком в придачу, то совсем малина. — Беру!»). Чтец-декламатор и Крокодил.

Залом прочитав взятые книги, парень «обчитался» — заболел и бредит, бытие определяет сознание, а сознание на 8-ом месяце беременности международных радиотелеграфных средств сообщения вызывает нагноение поджелудочной железы и влечет за собой облако в штанах в обтяжку крокодила.*

Выставка «убитых» книг, книг с выдранными листами, изорванными переплетами и запачканными страницами и переплетом (а также и без переплета) наглядно показывает, как не надо обращаться с книгой.

Отзывы о книгах. (Какие книги читать и какие не читать). Эта самая интересная часть «Вечера Книги» дана в форме детектива (детektiv — значит сыщик, в переносном смысле, детektiv — расказ или кино-фильма спрключияниями).

Нат Пинкерстон («Миллиард читателей!» Миллиард подписчиков! Нат Пинкерстон — король сыщиков!»), Бог-Саваоф, Вербицкая и Тарзан организуют заговор против советской литературы. Заговор раскрывается Красным Дьяволом и Уиттоном Синклером.

Так рядом живых, наглядных картин пропагандируется книга. Такого рода метод должен быть широко подввачен рабочими клубами, комсомольскими организациями. — Сама же агитка, скоро выходящая из печати, должна быть использована и поставлена на местах силами своих драмкружков.

В заключение при соединяется и словным образом из Красным Дьяволом на «Вечере Книги»:

«Клянусь бородой Господата, — вечер книги* должен видеть каждый комсомолец.*

КОМСОМОЛЬСКАЯ ПАСХА В ПОДШЕФНОМ СЕЛЕ.

Статья П. ИСКРОВА-МАШКЕВИЧА, фотографии И. БРИЛЯ.

К ПРОВЕДЕНИЮ комсомольской пасхи в подшефной Загоринской волости, Бронницкого уезда, ребята с завода „Серп и Молот“ (б. Гужов) готовились основательно. Кружок драматического, хоровой и музыкальный (духовой оркестр) работали во всю—разучивали роли, песни, оркестр гремел жарко.

В 11 часа езды, как одна минута. Уже станция Бронницы. Приехали! Сразу освобождают псалмы вагон.

Колоной, по главе с оркестром, направляемся в школу (здесь размещена наша штаб-квартира).

Село окликнулось: всеюду разостроены окна, высовываются крестьяне, смотрят, выходят на крыльцо, в некоторые и к нам в гуляние присоединяются.

Подходим к церкви. Наместру точно вышло—повоюмь загудели в колокола. Наш оркестр мощно отвечает „Молодой Гвардии“. Церковная и комсомольская пасха святаются в звуковом единорестве, но уж ясно,—церковной не устоять. Вот уже колокольное забрешение оборвалось и „Молодая Гвардия“ несетя по селу безраздельно широко.

— Ну, дошли до конца села, теперь назад в клуб!

Пока что заводские активисты беседуют с местными ребятами, выясняют, как идет работа, в чем нужда, осматривают ибу-читальню, книги, стенную газету местной ячейки „Цеп“.

Неизвестно подкрался вечер, стемнело. В клуб-чайную уже набилась публика изрядно.

„Эге, ребятки, уже времени-то поя 8-го, пора и спектакля начинать!“

„После пения „Интернационала“, краткого приветствия секретаря ячейки Комсомола от шефа—завода „Серп и Молот“ и ответного слова представителя подшефной Загоринской волости, показывается небольшая инсценировка „Христово воинство“, в которой дан один из эпизодов бесной борьбы католических попов против науки.“

За инсценировкой следует получасовой доклад, освещающий возникновение религии и происхождение праздника пасхи. В заключение специально пасхальная вещь „Торговый дом бог-отец, бог-сын и К^о“ и выступления кружков: хорового (революц. и народное песни) и кружка балладечиков.

Вот уже зматля керосиновые лампы и опустив звание.

„Эх, похоже, что конен!“ Нехота расходится публика, оклеянно здесь виселачнейшим спектакля.

В два часа ночи открывается собрание комсомольского актива завода и села.

Срочно намечается содержание дальнейшей работы шефа и ближайшая первоочередная помощь, как-то: собрать у заводских ребят старые журналы „Пролетар“, „Христову Инву“, комплект „Смены“ и пр. литературу.

За-полночь заговорились ребятаки. „Э, дай Никка, светает?! Ну, ребята, айда отсыпаться, а то в девять пятнадцать нам в Москву поворачивать надо!“—закрывает собрание председатель.

„Мы, ребята, стало-быть, 2-х зашек убийи сразу—и паску отпраздновали по-комсомольски и смычку подкренили! Так-то, значит, товарищи! Ну, спокойной ночи, айда спать!“

Вверху: комсомольцы—шфы и встречающиеся им комсомольцы—подшефные на ст. Бронница. В середине: семидесятилетняя бездомная сива Мадьянова. Внизу: участники спектакля „Торговый дом бог-отец, бог-сын и К^о“.

ГРИМАСЫ БУРЖУАЗНОГО СПОРТА

Очерк Б. ГРОМОВА

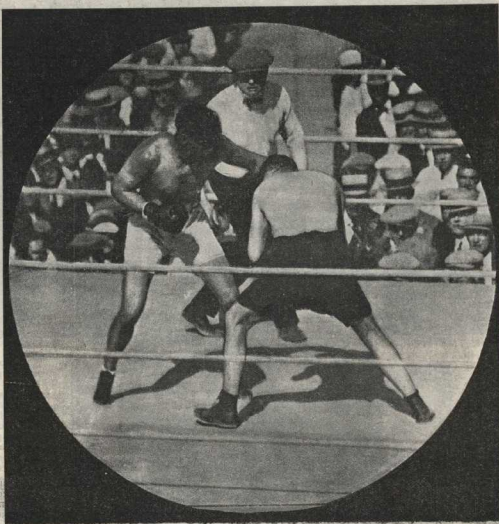
В НАСТОЯЩЕЕ время мы переживаем такую эпоху, когда все ярче и ярче выкристаллизовывается истинное лицо буржуазного спорта заграничных.

В то время, как у нас физическая культура государства ставит своей основной целью оздоровление трудящихся, за границей об этом вовсе не думают. Даже, наоборот, большинство «экспонатов», ставящие колоссальные рекорды, делают это с явным ущербом своему здоровью. Малаккский пример. Американский 18-ти летний пловец — Вейс-Мюллер, удаливший весь мир своими грандиозными достижениями, забледевает острым воспалением сосудов сердца и должен навсегда отказаться от занятий.

И таких примеров мы можем привести не мало.

Большинство заграничных спорт-организаций носит явный классовый характер, ставя своей основной целью иметь отвлечение рабочей массы от политики (отсюда дозуги — спорт аполитичен). Во Франции есть общество по военной подготовке, насчитывающее в своих рядах до 20.000 «забудущих» юнгов.

Рекламой этого общества служат то, что оно дает право, по окончании определенного курса, пользоваться о с о б а м и л ь к о т а к и в а р м и я, а также получить чин капитана (отдельного командира).

Бой Демисей с Карпенте.

Все в той же «славной» Франции существует другой союз — «Католическая спортивная федерация», организатором которой является духовенство и офицерство. Основная «являсь» этой федерации происходит среди детей, так «духовные» отцы и золотополонки вместе с физической культурой прививают ненависть к пролетариату.

Но не только в этом буржуазия играет большую роль. Уже в начале нашего столетия, эмчана, какое громадное значение приобретает спорт, захвативший почти все города, буржуазия, питаемая коммерческими вожделениями, приняла все меры, чтобы в этом, все возрастающем движении играть первенствующую роль, направить это движение в свое русло.

Таким образом, за границей появились профессиональный спорт. Начались организации грандиозных боксерских матчей, мотоциклетного и др., давались колоссальные сборы — буржуазия выкачивала прибыли.

Профессиональный спорт поразил своих «героев». Буржуазия в поисках за сильными ощущениями, обратила свое внимание на бокс.

Встрени белых с черными, порою определенно умственно отсталых дефективных гигантов, у которых все лучшее ушло в железный кулак, привлекли колоссальное количество публики.

В 1922 году состоялась знаменитая встреча на первенство мира между французом Карпенте и гигантом австралийцем Демисей в Нью-Йорке. Буржуазия обеих стран с дробью жады результатом этой встречи. Во Франции Карпенте несил на руках до вокзала. Газеты пели о народном гуресе. Его портрет красовался во всех витринах.

Встреча происходила на специально построенном ринге, в помещении вместимостью на 50.000 человек, все равно не сумевшим вместить всех «жаждущих».

В результате этого «милого» соревнования Демисей искрошила своего противника: сошла ему переноску, несколько пальцев на руке и сильные удары в область сердца довели до обморока.

Во время состязания «весь шест Парижа» стоял внизу у Эйфелевой башни и с трепетом следил за экраном, на котором по радио сообщались последовательные все подробности боя.

На утро «весь» Париж (само собой — буржуазный) был в трауре.

Решив положить конец американской гегемонии, англичане организовали своего рода «экспедицию» в поисках за подходящим человеком, могущим свернуть шею американскому кумиру.

Разведчики забрели и к нам, в Россию. Так, недавно наш лучший гиревник Спарре получил весьма гнусное предложение ехать в Англию и занять боксом (конечно, за крупный гонорар) от «представителя» «экспедиции» Конечю. Спарре отказался.

Этих нескольких примеров достаточно, чтобы понять, чем занята буржуазная Европа и Америка.

Ремизенский снимок со сланичной руки Карпенте: 1 — перстень у основания большого пальца; 2 — вышит кости большого пальца.

Джек Демисей, чемпион-тяжеловеса мира но боксу.

ПОЧТА „СМЕНИ“

БИБЛИОГРАФИЯ.

О РАСПРОСТРАНЕНИИ И ПРОПАГАНДЕ „СМЕНИ“.

Для распространения „Смены“ предлагают создать особые кружки. По мнению это нецелесообразно. Зачастую можно возложить на веяние существующие газетные кружки.

А если уж создавать, то создавать их надо по распространению комсомольской литературы вообще.

Затем, надо, чтоб „Смению“ больше рекламировался в провинции. В местных газетах, даже комсомольских, не встретишь хотя-бы объявления о „Смене“. Благодаря этому многие, желающие увидеть и почитать журнал такого рода, просто не знают о существовании „Смены“.

И, наконец, мешает распространению „Смены“ обстоятельство, зависящее от редакции — неадекватная доставка на места. Если устранить этот недостаток, „Смена“ будет иметь все большие успехи.

Е. Рюжков.

(Нижегород).

От редакции. Дело с присылкой по почте „Смены“ на места — сейчас значительно упорядочилось. Точке и в рекламных обзорах вопросам сейчас уделяется большое внимание.

Что касается вопросов пропаганды „Смены“, то было-б очень хорошо, если-б все ребята поподробней высказали свое мнение.

ЧЕМ ХОРОША „СМЕНА“.

„СМЕНА“ — журнал рабочей молодежи. Это правильно, так как содержание журнала вполне удовлетворяет требования рабочей молодежи как беззаботного, так и комсомольского задора, наряду со статьями политического характера, встречается научно-популярные статьи, например об электрофикации, радиотехнике, о земле, о Дарвине и т. д.

Вообще „Смена“ является журналом с замечательным подбором материала. Все, печатаясь с безличностного рассказа и кончая научной статьёй, стремится к одной цели: дать минимум знаний, необходимый для того, чтобы уметь разобраться по всем вопросам, и в то же время, выходять определенную идеологию; и развить массовое чутье в молодой рабочей молодежи.

Мне журнал очень понравился, и рекомендую ребятам читать и подписываться на него.

Петров Ф.

(Москва).

От редакции. Как не так мы хороши, как хвалит нас тов. Петров. Нелюбовство у нас много, — есть много нам надо продать для того, чтобы наш журнал активно отвечал запросам рабочей молодежи.

Об этих задачах говорит, рассматривая нашим читателям, резолюцию отъезда печати ЦК РКММ по вопросу о „Смене“ (принята по докладу редакции „Смены“).

НАШЕМО НОВОМУ ДРУГУ — „СМЕНЕ“.

Ровно после мрачной погоды заблестели первые лучи весеннего солнца, так и журнал „Смена“ вынеса свежести для комсомольцев, жаждущих новой потребности знания. Номер первый (жалко только, что получен с большим запозданием) во Владимирской организации Госплана Республики был встречен всеобщей радостью. Комсомольские читалки, пополненная несколькими экземплярами „Смены“, заметно оживилась и без всякой нужды, теи бы то ни было, инициативы, проявляя, организовав коллективное чтение журнала, привлекшее массу читателей.

Почему ребята живо тянутся к журналу?

Во-первых, журнал своим содержанием быстро отвечает на запросы юного читателя, интересующегося, после обычного пережевывания полнотрамоты, захватывающим материалом революционной романтики и научным материалом, даваемым в популярной и доступной форме. Возьдем, для примера, роман, печатающийся в „Смене“ — „Дело Эрбе и Кр.“. Разве его можно сравнить со старой, отжившей и вредной „интервьюшной“? Конечно, нет. Но сюжет его, как кинематографический экран, немолво привлекает внимание читателей, интересующегося, после прочтения чего и является „проверочное“ чтение. Другой пример, бытовая рассказ „Партизан“ в № 1, написанный так, будто его писал не Костерин, а настоящий герой, всю жизнь пробиравший в горском бою.

Права редакция, извещая читателей, что ввиду отсутствия времени для его массовое чтение, не претендуя на руководство его в комсомольской работе, — пожелаем „Смене“ дерзнуть и ввести вступать курс на новую массовую читателя, расширив отелы быта рабоче-крестьянской молодежи и, самое главное, пожелаем редакции: увеличивать количество корреспонденций, присылаемых самими читателями.

А. Третьяков (Владимир).

От редакции. Вы правы нашим практическим указанием.

Нам, по мере накопления материала, будет открываться место для отъезда литературы — художественного учета, где будут даваться подробные указания по всему прислаемому в редакцию литературно-художественному материалу.

Важно, чтобы не только комсомольский актив, откликнулся на „Смену“, но и чтоб о нас узнали и другие комсомольцы и беспартийная молодежь.

В осуществлении этой задачи нам надо помочь такие товарищи, как вы — добрые ученики подлинное значение „Смены“.

Все указания, замечания, строго зафиксированы, направляйте их нам. Объявляем усиленно мы добьёмся непереходного качественного роста нашей „Смены“.

БИБЛИОТЕКА ФИЗИКУЛЬТУРЫ.

Издания Высшего и Московского Совета Физической Культуры. Москва. 1924 года.

До его времени вышли в свет четыре выпуска.

№ 1. Правила соревнований по лыжам, конькам и хоккею.

№ 2. Правила игры и организации соревнований в футбол, утвержденные техническим комитетом В. С. Ф. К. 25,000 экз., 61 стр.

№ 3. Многочисленные диаграммы для усвоения правил, для игры. Цена 25 экз.

Всяма ценная книга, дающая учащимся: указана правила и обязанности как для игроков, так и для судей.

Очень важной главой является организация соревнований. Здесь даны подробные советы, напр., о взаимных платы за вход на состязание, о форме игроков, о призах, о протестах и т. д.

№ 3. Программа клубных и спортивных занятий по физкультуре для старших классов. Составил А. Зюмкин и Л. Теркин — члены научно-учебного комитета В. С. Ф. К. Утверждено Высш. Совет. Физкультуры. 3000 экз. Цена 8 коп.

Вся программа основана, главным образом, на возможности широкого использования основных элементов физической культуры — солнца, воздуха и воды и обуславливает полное прекращение занятий в закрытых помещениях, с перенесением занятий на полянку, лес, реку, поле.

Очень полезная книга, особенно для клубного инструктора.

№ 4. Сборник правил и программ по водному спорту. Утверждено Техкомом В. С. Ф. К. 5000 экз. Цена 25 коп.

1 часть — плавание. Даны правила, как для индивидуальных, так и для командных соревнований, а также правила розыгрыша водного поло.

Программа обуславливает три года обучения и, затем, испытание на звание преподавателя плавания.

Кроме того, даны примеры программ местных праздников по плаванию.

2 часть — гребля. Даны правила соревнований по академической гребле, а также гребных соревнований на шлюпах.

Последнее особенно важно для провинции, где специально гребных студий почти не имеется и все занятия производится преимущественно на обыкновенных шлюпах.

3 часть — парус. Правила соревнований, как для парусных лодок, так и для яхт.

4 часть — морское дело. Вся программа морского дела составлена так, чтобы дать возможность учащимся ознакомиться с кораблем и с главнейшими элементами морской практики. Программа рассчитана на два года.

Этот отел особенно важен для комсомольцев, в связи с широким РКММ над Крысам флотом.

Легкая атлетика, альпинизм серия „Красного Спорта“. Текст преподавателя Физкультуры и Л. Кузнецова. Составил М. С. Ягупинский. 1 выпуск — 61 стр. Выпуск 2 — 2-е издание 5000 экз. Издание типа немецких порттивных книг, — это вполне и вполне представление о технике (статье) легкой атлетики. Центральное место в книге — рисунок, текст дает лишь необходимые пояснения. Книги, особенно рекомендуемые нами, являются в настоящее время единственными в Республике, со строго продуманным подходом к усвоению техники.

СОДЕРЖАНИЕ: С. ДИНАМОВ — Врзня завода — рассказ. Т. ШТОРМ. — Нора-Ост — повесть. М. ПРАТУСОВИЧ и И. САВИН. — Дело Эрбе и Кр. — окончание. М. МУНИН — ЗОРКИЙ. — 4 октября 1920 год — воспоминания. СТАРЫЙ КОММУНАР — Юнионские годы Ленина — воспоминания. С. ЛЯВШИН. — Минаха Заводская. 1 мая в Москве. А. БОРИСОВ. — Через 11 лет. С. ИГДАЛО. — Как сами устроили завод напер. И. ИОНОВИЧ. — МАК-ГОВЕРН. — Тайна Лякса. П. И. ПОПАТИН. — Заповедное село Д. ХАИТ. — Комсомол Ленинской Слободы. Л. ИСКРОВ. — МАШКЕВИЧ. — Ветер юности. Л. ИСКРОВ. — МАШКЕВИЧ. — Комсомольская нахка в подшефном селе. Б. ГРОМОВ. — Гримсы буржуазного спорта.

Библиография, почта „Смены“, полиграфический налет на советское торгпредство в Берлине. С этим номером подписчики по абонементам 2, 3 и 6 получают книжку проф. Рыженича „Труд и техника“. По абонементам 4 и 6 рассылается 3-я № журнала „Борьба Миром“.

Издатель: „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“.

Газетный 22561.

Редактор: РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ.

5-я типография „Трипечатни“ Н. К. П. С. „Пролетарское Слово“, Южный пер. 4.

Тираж 25,000.

**ВСЕ КНИГИ,
ВСЕХ ИЗДАТЕЛЬСТВ,
в долгосрочный кредит,
с наибольшей скидкой**

**ТОЛЬКО В
МАГАЗИНЕ**

**„МОЛОДАЯ
ГВАРДИЯ“.**

Москва, Неглинный пр., 8, телефон 4-82-45.

**КРЕДИТ КОЛЛЕКТИВНЫЙ И
ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ**

Членам РНП, РСМ и профсоюзов
за ручательством учреждения—
кредит до 4 месяцев.
Организациям кредит до 6 мес
Снидка до 30%.

**НУЖНО ТОЛЬКО ОТНОШЕНИЕ
ОТ ВАШЕГО УЧРЕЖДЕНИЯ.**

**ФОРМА ОТНОШЕНИЯ В МАГАЗИН ДЛЯ ПОЛУЧЕНИЯ
КРЕДИТА.**
Настоящим просит удовлет-
ворить кредитом на сумму р. к
сотрудника (Фамилия, имя,
отчество и должность). За означенную в
настоящем отношении сумму
несет материальную ответственность.
Подпись ответств. лица учреждения.

**Государственный Трест Резиновой Промышленности
„РЕЗИНО-ТРЕСТ“**

Правление: Москва, Маросейка, 12 тел. 5-88-26 — Московское Торг. Отделение: Москва, Маросейка, 12 тел. 1-34-25.

ПРЕДЛАГАЕТ: АВТО—МОТО—ВЕЛО—ДЭРО ШИНЫ и КАМЕРЫ.

ПРЕДМЕТЫ СПОРТА НАК ТО: Футбольные камеры, пояса для плавания, рукоу раннители, тенни-
стые мячи, туфли и пр.

Торговые Отделения и Розничные магазины во всех крупных городах СССР.